

№ 1 / 2023

www.lawinfo.ru

МОЛОДОЙ ЮРИСТ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СО СМИ

Главный редактор:**Пальцева Маргарита Владимировна****Заместитель главного редактора:****Крюкова Евгения Сергеевна****Редакционный совет:**

Минбалева Алексей Владимирович, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук;

Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук;

Молотников Александр Евгеньевич, доцент кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;

Замышляев Дмитрий Владимирович, почетный президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», кандидат юридических наук;

Кириянов Артем Юрьевич, заместитель попечительского совета Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», член Общественной палаты Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Крюкова Евгения Сергеевна, ассистент кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Научно-образовательного центра «Право и СМИ», кандидат юридических наук;

Ульбашев Алим Хусейнович, преподаватель Французского университетского колледжа МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;

Машаров Евгений Иванович, вице-президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», кандидат юридических наук;

Гутерман Александр Евгеньевич, член Совета молодых адвокатов МО, кандидат юридических наук;

Долгих Федор Игоревич, заведующий кафедрой теории государства и права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат исторических наук, доцент;

Пальцева Маргарита Владимировна, президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», адвокат;

Сербин Михаил Викторович, вице-президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», заместитель заведующего кафедрой гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук;

Соболева Екатерина Андреевна, руководитель аппарата Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации»;

Трефилов Александр Анатольевич, председатель Московского городского отделения при МГУ имени М.В. Ломоносова Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов РФ», кандидат юридических наук;

Цветкова Александра Игоревна, председатель Совета молодых адвокатов МО;

Шапсугова Мариетта Дамировна, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права, врио заведующего отделом аспирантуры Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент;

Долганин Александр Александрович, ассистент кафедры коммерческого права и основ правоведения Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;

Трезубов Егор Сергеевич, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Кемеровского государственного университета, заместитель директора юридического института Кемеровского государственного университета по научной работе, кандидат юридических наук.

ШКОЛА МАСТЕРОВ**Джафарова А.А.** Привилегированные составы убийства.....2**Сафонова К.Н.** Правовое регулирование рекламной деятельности в области фармацевтики (реклама лекарственных средств на телевидении) ...5**Грязева М.А.** Троллинг в сфере интеллектуальной собственности: виды, механизмы борьбы9**Тищенко С.В., Стоянов С.Ф.** Особенности оценки судебно-экспертного заключения (на примере автоэкспертизы).....15**ПРАВО И СМИ****Дей З.Д.** Право, этика и этические кодексы в журналистике: сравнение разных концепций20**Семченко В.О.** Особенности взаимодействия правоохранительных органов со СМИ и общественностью26**Губаева Е.А.** Защита контента в социальных сетях: условия для осуществления пользователями правомерной деятельности в сети Интернет.....30**НАУЧНАЯ РАБОТА
МОЛОДОГО ЮРИСТА****Бардан Д.В.** Особенности рассмотрения споров по защите прав и законных интересов предпринимателей в третейских судах35**Кенгаму Ренеди Боото.** Совет Безопасности ООН и Международный уголовный суд: история становления, взаимоотношение и вмешательство в осуществлении правосудия.....39**Журенко В.О.** Современные тенденции примирения сторон как института уголовного процесса Российской Федерации48**УЧРЕДИТЕЛЬ:** Издательская группа «Юрист»**Главный редактор ИГ «Юрист»:**
Гриб В.В., д.ю.н., профессор**Зам. главного редактора ИГ «Юрист»:**
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.**Редакция:** Лаптева Е.А., Курукина Е.И.**НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ
И КОРРЕКТУРА:** Швачкова О.А., к.ю.н.**Центр редакционной подписки:**

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Адрес издательства/редакции:115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Номер подписан: 25.04.2023.

Издается в электронном формате.

Распространяется бесплатно.

ISSN 2500-0314

Фото на обложке: фотобанк Лори.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ составы убийства

ДЖАФАРОВА АФГАНА АЛИГУСЕЙНОВНА,
преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации
emil55576@mail.ru

Убийство — это одно из самых тяжких преступлений, так как в результате его осуществления прекращается жизнь человека — наиболее охраняемый государством и, в частности, правоохранительными органами объект.

Однако в некоторых случаях совершение убийства происходит в несколько необычных с точки зрения состояния и статуса субъекта преступления. Подразумевается, что такие состояния и его положение (статус) определенным образом оправдывают прекращение жизни другого человека. Своего рода оправдание заключается в предоставлении некоторых привилегий, предоставляющих лицам, совершившим убийство, возможность быть подвергнутыми более мягким санкциям или вообще избежать ответственности. Ввиду того, что существует множество точек зрения по поводу перечня таких состояний, этот вопрос относится к одним из наиболее дискуссионных в науке уголовного права.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в плане необходимости смягчения ответственности является вопрос об ответственности матери за убийство новорожденного ребенка (в трех видах, указанных

в ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): убийство новорожденного ребенка матерью сразу после родов или в процессе деторождения; при условии влияния психотравмирующей ситуации; при условии заболевания, не исключающего вменяемости).

При этом логика законодателя довольно проста — имеется в виду такое состояние плода или новорожденного, когда жизнеспособность его находится в прямой зависимости от совокупности факторов, доминирующими из которых являются действия женщины. Однако логика не соответствует медицинским критериям жизнеспособности новорожденного, согласно которым гибель плода в процессе первого и второго периодов родов расценивается как мертворождение¹.

В этом случае формулировка ст. 106 УК РФ кажется неверной и требующей сокращения до: «Убийство матерью новорожденного ребенка после родов...» Далее во избежание неверного толкования законодателю рекомендуется с учетом медицин-

¹ Мертворожденность // Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. Т. 15. Меланома — Мудров (БМЭ) / глав. ред. Б.В. Петровский, 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1981.

ских аспектов дать определение тому, какой именно момент считается случившимися родами. В частности, в медицинских методических пособиях окончанием рождения считается рождение последа². Таким образом, только после данного действия можно говорить об убийстве матерью новорожденного ребенка.

Также подразумевается, что после родов у женщины может наблюдаться психическое расстройство, вызванное резким изменением гормонального уровня (в частности, снижением уровня эстрогена и прогестерона). Одним из проявлений подобных психических расстройств может стать послеродовая депрессия, выделенная в Международной классификации болезней как особый вид психических расстройств (код 6E20.0). Из этого следует, что под влиянием гормонального перепада женщина не может в полной мере осознавать содеянное, отдавать отчет своим действиям, соответственно, не может понести наказание за убийство на общих основаниях.

Сходным в плане психического состояния субъекта преступления является состав ст. 107 УК РФ, в которой предусматривается ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта. Законодатель предусмотрел, что убийству в этом случае должно предшествовать событие, которое привело к особому психическому состоянию виновного, в результате чего его способность адекватно оценивать последствия снизилась или на какой-то момент исчезла. Такое психическое состояние может быть вызвано насилием, примененным в отношении виновного, издевательствами, тяжким оскорблением, аморальным или даже противоправным поведением потерпевшего или иным воздействием (единовременным или длящимся), которое привело к аффекту.

Автор соглашается с возможностью отдельных событий быть психотравмирующими ситуациями, но, по нашему мнению, очень большая доля усмотрения органов следствия и суда характерна именно в рамках оценки данного преступления. Так, правоохранительные органы и суд оценивают все аффектообразующие составляющие, такие как тяжесть оскорбления, влияние насильственного действия/угрозы на психическое состояние субъекта преступления, аморальность действия, относительно данной конкретной ситуации. Это может приводить к существенной нагрузке на органы предварительного следствия и суда, а также на количество ошибок в квалификации. Согласно исследованиям, в отношении 26,2% лиц была неверно дана квалификация деяния по ст. 107 УК РФ; в 62,2% случаев уголовные дела подлежали переквалификации³.

Из этого следует практическая необходимость закрепления четких аффектообразующих критериев, которые некоторые авторы (с которыми мы согласны) предлагают закрепить на уровне приказа Минздравсоцразвития РФ⁴. Это может существенно сократить время субъективной оценки аффектообразующих факторов, а также снизить процент ошибок ввиду сужения усмотрения.

Также к привилегированным составам убийства относятся убийства, совершенные:

- 1) при превышении пределов необходимой обороны;
- 2) при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Эти составы объединяет наличие схожей обстановки совершения преступле-

² Акушерство : учебник / Г.М. Савельева, В.И. Кулаков, А.Н. Стрижаков [и др.] ; под ред. Г.М. Савельевой. М. : Медицина, 2000. С. 236.

³ Рогозинская В.Г. Эмоциональные состояния и их нейрофизиологические корреляты у больных психосоматическими заболеваниями : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. С. 2.

⁴ Никульченкова Е.В. Психофизиологический и юридический критерии аффекта // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18. № 3. С. 84–93.

ния — субъекту преступления может угрожать действие, совершаемое потерпевшим, что четко следует из линии его поведения⁵. Подразумевается, что необходимая оборона и действия при задержании лица должны быть направлены на реальное пресечение потенциально общественно опасного деяния. Только в случае, если лицо понимало, что ему (ч. 1 ст. 108 УК РФ) или другим членам общества (ч. 2 ст. 108 УК РФ) ничего не угрожает, но при этом все равно умышленно причиняет вред, оно будет подлежать ответственности согласно санкции ст. 108 УК РФ. При этом в случаях, когда ранее объектом преступления было совершено тяжкое или особо тяжкое преступление (т.е. основным мотивом выступает месть, желание восстановить справедливость собственными силами), причинение ему смерти не освобождает от ответственности субъект преступления.

В данном случае снова стоит говорить о чрезвычайно важной роли усмотрения суда при квалификации действий по ст. 108 УК РФ. При этом оценен должен быть комплекс обстоятельств для вынесе-

ния справедливого решения — реальность или мнимость обороны, поведение объекта преступления, иные сопутствующие обстоятельства. Это снова говорит о высоких требованиях к правоприменительным органам в процессе квалификации, однако относительно деяния, предусмотренного ст. 108 УК РФ, по нашему мнению, это неизбежно. При этом конкретизация дополнительных критериев представляется невозможной ввиду практической необходимости оценки конкретной, уникальной ситуации правоприменителем.

Таким образом, при изучении преступлений, представляющих собой так называемые «привилегированные составы убийств», автор приходит к выводу о том, что существуют недостатки законодательного регулирования данных видов преступлений. Так, в ст. 106 УК РФ применяется неверная формулировка, противоречащая медицинским аспектам процесса рождения ребенка, а для ст. 107 УК РФ отсутствует конкретизация аффектообразующих критериев. С этой целью автор предлагает конкретные решения, которые существенно разгрузят правоприменительные органы и уменьшат процент ошибок органов следствия и органов судебной системы.

⁵ Аммалайнен В.А. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) // Инновационная наука. 2018. № 10. С. 61–63.

Литература

1. Акушерство : учебник / Г.М. Савельева, В.И. Кулаков, А.Н. Стрижаков [и др.] ; под редакцией Г.М. Савельевой. Москва : Медицина, 2000. 816 с.
2. Аммалайнен В.А. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) / В.А. Аммалайнен // Инновационная наука. 2018. № 10. С. 61–63.
3. Мертворожденность // Большая медицинская энциклопедия. В 30 томах. Т. 15. Меланома — Мудров (БМЭ) / главный редактор Б.В. Петровский, 3-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1981. 576 с.
4. Никульченкова Е.В. Психофизиологический и юридический критерии аффекта / Е.В. Никульченкова // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18. № 3. С. 84–93.
5. Рогозинская В.Г. Эмоциональные состояния и их нейрофизиологические корреляты у больных психосоматическими заболеваниями : автореферат диссертации кандидата психологических наук / В.Г. Рогозинская. Санкт-Петербург, 2010. 24 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

рекламной деятельности в области фармацевтики (реклама лекарственных средств на телевидении)

САФОНОВА КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА,
студент-магистрант юридического факультета
Московского университета (ИМПЭ) имени А.С. Грибоедова
ksenu_3@mail.ru

Сегодня мы можем слышать по радио или видеть по телевидению рекламу средств, которые лечат многие болезни, в том числе препараты, например, для похудения и др. Российское законодательство предусматривает защиту потребителя от недобросовестной рекламы, но, к сожалению, не всегда эти законы могут действовать.

В нынешнее время любая аудитория знает о лекарствах больше, чем лучшие врачи и фармацевты. Благодаря рекламе все знают, что «Ново-пассит» — от стрессов, «Терафлекс» — от суставов, «Мезим» — для улучшения пищеварения.

Кроме того, лекарства, рекламируемые по телевидению, могут показаться безвредными, поскольку при их покупке в аптеке не требуются рецепт. Однако все лекарства имеют побочные эффекты.

Возникает вопрос: почему Минздрав не предпринимает никаких действий?

Чаще всего эксперты имеют больше всего вопросов к рекламе противовирусных и противогриппозных препаратов. По статистике, когда люди чувствуют себя плохо, они решают, что сделать и как поступить —

к врачу или же в аптеку, чтобы купить там те самые таблетки. На самом деле, вопреки позиции Минздрава, на телевидение всю рекламу рекламируют самолечение, например, в период обострения гриппа по телевидению идет реклама препаратов, снимающих все симптомы гриппа и простуды.

Согласно опросу, в России лишь 14–20% в случае недомогания (болезни) обращаются за помощью к врачу, около 58% предпочитают лечиться самостоятельно. Основной причиной является реклама, которая идет по телевидению. Отвлечение людей от похода к врачу — только часть проблемы.

Как законодательно регулируется реклама лекарственных средств в Российской Федерации?

До того, как в России был принят закон о рекламе, этот вопрос регулировал Указ Президента Российской Федерации от 10 июня 1994 г. № 1183 «О защите потребителей от недобросовестной рекламы»¹. Он ограничивал рекламу профилактических, диагностических и лечебных мето-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 июня 1994 г. № 1183 «О защите потребителей от недобросовестной рекламы» // СПС «КонсультантПлюс».

дов, медицинских технологий и лекарственных средств, не прошедших испытания и не утвержденных в установленном порядке. Однако это не противодействовало недоброкачественной рекламе и оказывало негативное влияние на потребителей. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38 «О рекламе»² (далее — Федеральный закон «О рекламе») исправил эту ситуацию. Кроме того, деятельность в области фармацевтической рекламы регулируется Федеральным законом от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»³ и другими правовыми документами, регулирующими отношения в медицинской сфере.

Согласно ст. 24 Федерального закона «О рекламе» специальные требования к рекламе лекарственных средств устанавливаются, что реклама не должна:

- 1) обращаться к несовершеннолетним;
- 2) содержать ссылки на конкретные случаи излечения от заболеваний, улучшения состояния здоровья человека в результате применения объекта рекламирования;
- 3) содержать выражение благодарности физическими лицами в связи с использованием объекта рекламирования;
- 4) создавать представление о преимуществах объекта рекламирования путем ссылки на факт проведения исследований, обязательных для государственной регистрации объекта рекламирования;
- 5) содержать утверждения или предположения о наличии у потребителей рекламы тех или иных заболеваний либо расстройств здоровья;
- 6) способствовать созданию у здорового человека впечатления о необходимости применения объекта рекламирования;
- 7) создавать впечатление ненужности обращения к врачу;

8) гарантировать положительное действие объекта рекламирования, его безопасность, эффективность и отсутствие побочных действий;

9) представлять объект рекламирования в качестве биологически активной добавки и пищевой добавки или иного не являющегося лекарственным средством товара;

10) содержать утверждения о том, что безопасность и(или) эффективность объекта рекламирования гарантированы его естественным происхождением.

Все эти требования относятся ко всем видам лекарств, за некоторыми исключениями.

Недобросовестной признается реклама, которая:

— включает ложные сравнения товара, являющегося предметом рекламы, с реализуемыми товарами, произведенными другими производителями или другими продавцами, и порочащие честь, достоинство или деловую репутацию лиц, в том числе конкурентов;

— представляет собой рекламу товара, реклама которого запрещена данным способом, в данное время или в данном месте, если она осуществляется под видом рекламы другого товара; является актом недобросовестной конкуренции.

Объявления, содержащие фактически неверную информацию:

— о преимуществах рекламируемого товара перед товарами других производителей;

— о любых характеристиках товара, таких как состав, назначение, потребительские свойства и срок годности;

— о типе товара и способе его получения в определенном месте или в течение определенного периода времени;

— о вопросах, касающихся стоимости или цены товара и порядка его оплаты. Себестоимость должна быть указана в рублях и, при необходимости, может быть указана в другой иностранной валюте. Условия по-

² Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

ставки, замены, ремонта и технического обслуживания товаров;

- о гарантийных обязательствах производителя или продавца;

- об исключительных правах на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации товаров, о правах на использование официальных государственных символов (флаг, герб, гимн) и символов международных организаций;

- об официальной или должностной награде, медали, призе, дипломе или других наградах;

- о рекомендациях физических или юридических лиц относительно предмета рекламы;

- о результатах исследований и испытаний; предоставление дополнительных прав или льгот покупателям рекламируемого товара; фактический объем спроса на рекламируемый или другой товар;

- об источниках, раскрываемых в соответствии с федеральным законом об информации, об объеме производства или реализации рекламируемых товаров и иной продукции;

- о месте, где заинтересованные лица могут получить информацию, которая должна быть предоставлена в соответствии с федеральным законом до заключения договора оказания услуг, об изготовителе или о продавце рекламируемого товара.

Кроме того, реклама не должна:

- побуждать к совершению противоправных действий; призывать к насилию и жестокости; иметь сходство с дорожными знаками или иным образом угрожать безопасности движения транспорта;

- формировать негативное отношение к лицам, не пользующимся рекламируемыми товарами; содержать информацию порнографического характера; допускать использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений.

Запрещается размещение рекламы в учебниках, учебных пособиях, иных учебных материалах, предназначенных для обучения детей по основным образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования, школьных журналах и школьных тетрадях.

Также запрещается рекламировать в том числе лекарственные средства, использующие иностранные слова или выражения, которые могут исказить смысл информации; указание на то, что предмет рекламы одобрен государственными органами, органами местного самоуправления или их должностными лицами.

Так нужен закон о запрете рекламы лекарств или нет?

Кстати, в Госдуму на протяжении 10 лет выдвигаются законопроекты о запрете рекламы на лекарственные средства. Главные аргументы этих законопроектов:

- в России бесконтрольное потребление лекарств, количество рекламных объявлений постоянно растет, и реклама играет важную роль;

- потребитель лекарственных препаратов проигрывает, потому что дорогие лекарства постоянно рекламируются, в то время как аналогичные препараты с сопоставимым эффектом, иногда в десятки раз дешевле, остаются неизвестными общественности;

- о международном опыте. В странах ЕС и США были приняты решительные меры по укреплению законов о фармацевтической рекламе. Во всех странах ЕС запрещена любая реклама безрецептурных лекарств. Швейцария запретила всю прямую рекламу лекарств, а Канада запретила рекламу лекарств на телевидении и радио;

- по данным Всемирной организации здравоохранения, самолечение занимает пятое место в рейтинге глобального риска после травм, сердечно-сосудистых заболеваний, онкологии и болезней легких.

Основные причины отклонения этих законопроектов:

— запрет на фармацевтическую рекламу бессмыслен, поскольку он ничего не меняет на рынке лекарств и служит лишь средством «саморекламы» для авторов законодательства;

— реклама — это не только двигатель торговли, но и средство информирования людей о существовании лекарств, которые можно принимать без рецепта врача. А также средство информирования людей об отсутствии существенного вреда от их приема;

— проблема самолечения связана именно с рецептурными препаратами, которые по-прежнему легкодоступны в аптеках;

— если бы реклама была запрещена, деньги были бы перенаправлены на другие маркетинговые методы и многочисленные способы продвижения лекарств, а контроль над фармацевтической рекламой был бы полностью утрачен;

— рецептурные лекарства, которые обычно можно приобрести только по рецепту, приходится отпускать в аптеках, поскольку бывает трудно попасть на прием к соответствующему специалисту.

Аргументы сторонников за запрет рекламы лекарственных препаратов, на мой взгляд, убедительны и основаны на фактах.

«По ту сторону баррикад» доводы за рекламу лекарственных средств не логичны и не обоснованы.

А теперь факты обывателя, который смотрит телевизор, ходит в аптеки и иногда занимается самолечением:

— на рекламу лекарственных средств по ТВ тратятся огромные деньги. По данным Ассоциации коммуникационных агентств России, львиная доля рекламных бюджетов фармкомпаний — 91% — приходится на телевидение. Почти 19% всего объема рекламы на ТВ и радио приходится на лекарства, и при запрете СМИ потеряют более 30 млрд рублей;

— фармотрасль супермаржинальна.

Следовательно, в рекламе заинтересованы коммуникативные предприятия и фармпроизводители, а также аптеки. И за этой заинтересованностью стоят большие деньги.

В России же мнение тех, кто зарабатывает на рекламе лекарств, оказывается важнее и медицины, и здравого смысла. Ничего личного — это бизнес.

Есть ли перспективы у закона о запрете рекламы лекарственных средств?

Лобби компаний, имеющих оборот в 5–10 млрд рублей в год, очевидно, присутствует, поэтому законопроекты о запрете рекламы лекарственных средств отклоняют в течение 20 лет.

Вывод: реклама в России лекарственных средств будет транслироваться на телевидении еще много лет.

Литература

1. Григорьев Д.А. Законы рекламы. Право для маркетинга. Правовые основы рекламы в России и СНГ / Д.А. Григорьев. Москва : Статут, 2017. 284 с.
2. Огилви Д. Огилви о рекламе / Д. Огилви ; перевод с английского А. Гостева и Т. Новиковой ; ответственный редактор Р. Болдинова. 7-е изд. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021. 304 с.
3. Правовое регулирование рекламной деятельности / Н.Д. Эриашвили [и др.]. Москва : Юнити-Дана, 2019. 186 с.
4. Свиридова Е.А. Правовое регулирование рекламы / Е.А. Свиридова. Москва : Юнити-Дана, 2020. 272 с.

ТРОЛЛИНГ

в сфере интеллектуальной собственности: виды, механизмы борьбы

ГРЯЗЕВА МИЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА,

магистрант Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
младший юрист ООО «ФПБ Гардиум»
milenagriazeva@gmail.com

В настоящее время проблема троллинга в сфере интеллектуальной собственности приобретает все более серьезные масштабы. Согласно обзору RPX Corporation от 11 января 2022 г., в 2021 г. в США число судебных разбирательств по патентам NPE¹ выросло почти на 10% (см. рис. 1).

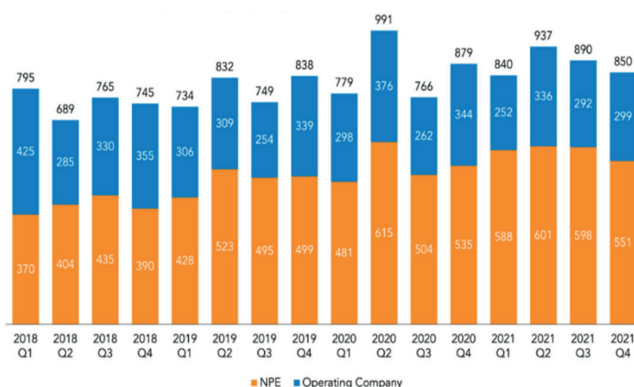

Рис. 1. Динамика соотношения числа исков, поданных NPE и Operating Company по кварталам с 2018–2021 гг.²

¹ Non-practicing entities (пер. с англ. — «организация, не осуществляющая деятельность») — стилистически нейтральный термин, часто используемый в американских источниках вместо понятия «патентный тролль».

² Источник: <https://www.rpxcorp.com/intelligence/blog/q4-in-review-npes-cap-off-a-busy-2021-as-sep-policies-evolve-in-the-us-and-uk/>

При этом если в 2018 г. число исков, поданных NPE, было немногим больше числа исков производственных компаний (Operating Company), то в 2021 г. их соотношение стало примерно 2:1 (см. рис. 2).

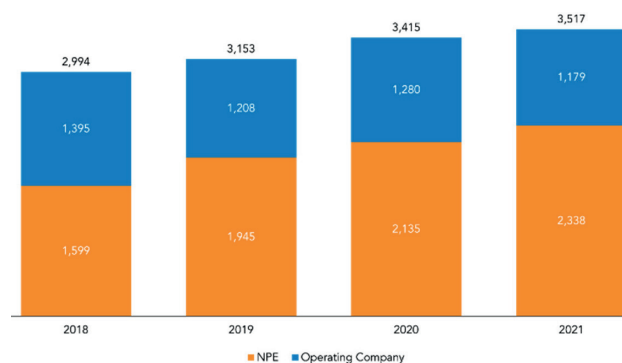

Рис. 2. Динамика соотношения числа исков, поданных NPE и Operating Company по годам с 2018–2021 гг.³

Наиболее распространенной разновидностью троллинга является патентный троллинг. Данная деятельность состоит в получении прав (зачастую за небольшую цену) на изобретение, полезную модель или

³ Источник: <https://www.rpxcorp.com/intelligence/blog/q4-in-review-npes-cap-off-a-busy-2021-as-sep-policies-evolve-in-the-us-and-uk/>

промышленный образец не с целью их дальнейшего использования в собственном производстве, а исключительно с целью обогащения посредством заключения лицензионных договоров с высокими роялти или путем подачи исков о нарушении исключительных прав.

Различить добросовестного правообладателя и тролля бывает непросто, в частности, потому, что последние нередко фальсифицируют доказательства.

На наш взгляд, в решении данной задачи поможет постановка следующих вопросов:

Производит ли лицо продукцию с использованием запатентованного объекта? Если нет, то осуществляет ли он производственную деятельность в целом?

Патентные тролли обычно являются непроизводственными компаниями. Однако, во-первых, компания-тролль может создавать видимость производственной деятельности, чтобы в случае судебного спора «отбить» обвинения в недобросовестности. Во-вторых, учеными отмечается, что организациями, не имеющими собственного производства, являются также университеты, институты Академии наук и технологические брокеры, которых, однако, нельзя относить к категории троллей⁴.

Какова судьба запатентованного объекта? Является ли лицо его автором?

Сколько количеством ОИС владеет лицо? В каких сферах? Связаны ли эти сферы?

Является (являлось) ли лицо истцом по другим подобным делам?

Таким образом, если перед нами непроизводственная компания, выкупившая патент у другого лица, владеющая множеством ОИС и активно предъявляющая иски

о нарушении исключительных прав на данные объекты, то с большой долей вероятности можно сделать вывод, что это — тролль. Однако на практике все не так очевидно, поэтому как «жертвам», так и судам следует с особым вниманием оценивать и сопоставлять указанные факторы.

При этом всех патентных троллей объединяет то, что они реализуют свои исключительные права в недобросовестных целях, используя для этого различные приемы.

Виды троллинга в сфере интеллектуальной собственности

Во-первых, недобросовестные лица, пользуясь несовершенством регистрационной практики, получают патент на изобретение (формула которого обычно копируется ими из других источников с небольшими изменениями и излагается слишком широко, неясно) и ожидают, когда изобретение активно начнут использовать другие компании. После этого патентные тролли предъявляют к инноватору, который чаще всего не знает о существовании патента, требования о выплате большой компенсации.

В России такую стратегию использовал, в частности, Владимир Шумилин, правообладатель полезной модели на использование телефонов с двумя или более SIM-картами. Регистрация патента была осуществлена в 2002 г. Лишь спустя 9 лет, в 2013 г., он подал иск о нарушении его патентных прав к компании Samsung, которая выпускала телефоны с двумя SIM-картами с 2007 г. Не вызывает сомнений, что правообладатель намеренно ждал, когда продажа устройств Samsung достигнет огромных размеров, поэтому предъявил иск лишь когда размер компенсации, по его расчетам, составил почти 11 млн долларов. К счастью, Samsung удалось доказать отсутствие нарушения прав на полезную модель патент-

⁴ Стенограмма круглого стола «Патентные тролли в цифровой экономике. Управление интеллектуальными правами в организациях без производства» // Библиотека LABRATE.RU. 2018. 25 сентября. URL: <http://www.labrate.ru/20180925/stenogramma.htm> (дата обращения: 20.10.2022).

ного тролля, и последнему было отказано в иске судами двух инстанций⁵.

Еще одна стратегия — «патентный забор»: компания получает патент на основное изобретение, а также несколько патентов на дополнительные изобретения, которые мало отличаются от основного. Патентный тролль в таком случае надеется, что его конкуренты, зная лишь об основном патенте и избегая нарушения прав на него, случайным образом «попадутся» на его претензии о нарушении прав на дополнительные изобретения.

Стратегия, обратная вышеуказанной — «патентный флудинг»: тролль получает патенты на заменители изобретения первоначального разработчика, чтобы последний в конце концов был вынужден заключить с ним лицензионное соглашение, оказавшись в ситуации невозможности маневрировать на «минном поле».

Наконец, одной из самых популярных стратегий является отыскание в патентном портфеле компании изобретения (элемента комплексной инновации), не охваченного ее патентами. Тролль находит автора такой технологии и приобретает у него исключительные права (обычно это старые, неиспользуемые автором патенты, затраты на покупку которых минимальны). Далее следует предъявление требований к компании, нарушившей патент.

Как отмечалось выше, патентный троллинг является наиболее распространенной разновидностью троллинга, но не единственной. В частности, существуют **тролли в сфере товарных знаков** (их также называют «знаковыми сквоттерами»).

Такой тролль ищет компании, которые не зарегистрировали в качестве товарного знака используемое ими обозначение, и ре-

гистрирует их на себя. После этого он обращается к таким компаниям с требованиями о выкупе товарных знаков или о заключении лицензионных договоров, угрожая подачей иска. Подобная ситуация случилась с сетью кофеен «Старбакс», которой все же удалось впоследствии аннулировать товарный знак тролля⁶.

Сквоттеры также нередко регистрируют на себя общеупотребительные слова⁷ либо выкупают неиспользуемые товарные знаки у правообладателей, чтобы предъявлять требования к обладателям более поздних схожих или тождественных товарных знаков.

Следует отметить, что в середине 2000-х годов стали появляться так называемые **тролли авторского права**. Так, в 2010 г. компания Righthaven LLC приобрела права на ряд старых новостных статей у издателя Las Vegas Review-Journal, Stephens Media, после чего предъявила более 100 исков о нарушении авторских прав к блогерам и владельцам онлайн-форумов. К счастью, суды отказали в удовлетворении таких исков, сославшись на доктрину добросовестного использования⁸.

Все вышеизложенные стратегии свидетельствуют о недобросовестности поведения правообладателей-троллей и о необходимости борьбы с троллингом в сфере интеллектуальной собственности.

Прежде чем перейти к рассмотрению методов борьбы с недобросовестным поведением правообладателей, отметим, что некоторые ученые рассматривают троллинг как положительное явление⁹. Сторонниками

⁵ Определение Московского городского суда от 4 февраля 2014 г. по делу № 33-6027/2014. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/06ad8713-dd3a-41fabd9e-ae0bd75581ce>

⁶ См. URL: <https://www.sostav.ru/news/2005/07/14/73/> (дата обращения: 20.10.2022).

⁷ См., напр., Решение Арбитражного суда Калининградской области от 25 мая 2015 г. по делу № А21-8921/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/c0wSG2L6w8LP/>

⁸ См. URL: <https://www.eff.org/issues/copyright-trolls> (дата обращения: 01.11.2022).

⁹ В связи с этим интересно высказывание Н.В. Поляковой о том, что «патентообладатель, получающий доход от лицензионных платежей, не должен наказываться (или осуждаться) больше,

такого подхода указывается, что в результате действий патентных троллей в гражданский оборот вводятся неликвидные объекты интеллектуальной собственности, меняется динамика патентного рынка¹⁰.

С данной точкой зрения сложно согласиться. На наш взгляд, поскольку патентные тролли не осуществляют производственную деятельность с использованием запатентованного объекта, не предлагают обществу новый продукт, они не только не способствуют развитию оборота, а, напротив, блокируют деятельность других производственных компаний. Аналогичного мнения придерживается А.С. Ворожевич, которая справедливо указывает, что такой подход смешивает патентный троллинг с отличиями от него институтами (бизнес-инкубаторами, инновационными центрами, которые занимаются именно «перепродажей» лицензий на ОИС), а также дестимулирует начинающие и небольшие компании¹¹.

Таким образом, весьма актуальным является поиск эффективных методов борьбы с патентным и иными разновидностями троллинга.

Механизмы борьбы с патентным и иными разновидностями троллинга

На наш взгляд, все механизмы борьбы с троллингом в сфере интеллектуальной собственности можно разделить на две группы: превентивные — меры, принимаемые при отсутствии непосредственного «нападения» тролля, и механизмы защиты — меры, принимаемые в ситуации «нападения» тролля.

чем собственник, приобретающий жилье с целью сдавать его в аренду». См. Когда настанет момент истины для российского рынка интеллектуальной собственности. Интервью с Н.В. Поляковой // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2014. № 8.

¹⁰ См., напр.: McDonough J.F. The Myth of the Patent Troll: An Alternative View of the Function of Patent Dealers in an Idea Economy // Emory Law Journal. 2006. Vol. 56. P. 189–228.

¹¹ Ворожевич А.С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы // Закон. 2013. № 9. С. 76.

Что касается механизмов первой группы, то, прежде всего, компаниям следует заблаговременно регистрировать все используемые ими значимые обозначения при тщательном анализе сфер деятельности, в которых оно будет использоваться. Аналогично, компаниям, которые занимаются разработкой и продажей многокомпонентной продукции, следует одновременно получать патенты на все составные части создаваемого продукта.

Кроме того, в целях избавления от рисков стать «жертвой» троллинга, предпринимателям целесообразно обращаться к правообладателям используемых ими изобретений или обозначений с предложением об их выкупе или о заключении лицензионных договоров раньше, чем это может сделать тролль.

Представляется, что эффективной мерой борьбы с троллингом является создание патентных фондов и альянсов. Так, в сентябре 2020 г. платежная компания Square создала альянс Cryptocurrency Open Patent Alliance (COPA), который предоставил своим членам открытый доступ ко всем запатентованным технологиям в области криптовалют и блокчейна¹².

В России в настоящее время проекты патентных фондов развиваются в инновационном центре «Сколково» и в АО «Российская венчурная компания».

Также, на наш взгляд, законодателю следует рассмотреть возможность создания реестра патентных и иных троллей. Данная мера будет полезной как для самих компаний, которые смогут более рационально оценивать требования о прекращении нарушения исключительных прав, так и для судов. Создание подобного реестра будет способствовать более эффективному осуществлению общественного контроля за регистрацией патентов.

¹² About COPA. URL: <https://www.opencrypto.org/about/> (дата обращения: 01.11.2022).

Наконец, экспертам патентных ведомств необходимо осуществлять более тщательную проверку соответствия изобретения условиям патентоспособности, уметь выявлять в формуле недостатки, которые потом могут послужить основой для предъявления патентных исков.

Далее перейдем к рассмотрению возможных механизмов защиты от патентного и иных видов троллинга.

Отметим, что нередко тролли используют стратегию массовой рассылки совершенно необоснованных требований, полагаясь на полное отсутствие правовых знаний у предпринимателей¹³. Поэтому компаниям прежде всего следует проводить тщательный анализ заявленных требований, оценивать их обоснованность. В случае получения необоснованной претензии от тролля предпринимателям следует направить ответ на такую претензию с полной аргументацией отсутствия нарушений. Высока вероятность, что патентный тролль, увидев, что оппонент хорошо разбирается в правовых вопросах, потеряет к нему интерес и не станет подавать иск в суд.

Далее следует обратиться к такому правовому инструменту, ограничивающему «монополию» правообладателя, как пределы осуществления исключительных прав. А.С. Ворожевич отмечает, что пределы права «служат пресечению действий по осуществлению исключительных прав, противоречащих функциям таких прав»¹⁴.

В ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁵ (далее — ГК РФ) установлено важное правило о запрете злоупотребления правом, недопустимости недобросовестного осуществления гражданских прав. Как уже неоднократно упоминалось, патентный троллинг — недобросовестное поведение субъекта, который, используя институт исключительных прав в противоречии с его истинным функциональным назначением, преследует лишь цель обогащения, получения необоснованных выгод. Следовательно, суд вправе отказать такой компании в иске на основании ст. 10 ГК РФ.

В то же время нельзя не отметить, что в России дел, где суды квалифицировали действия тролля как злоупотребление, довольно немного. Тем не менее, к примеру, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2016 г. суд пояснил, что с учетом установленного в ГК РФ общего требования о необходимости использования зарегистрированного товарного знака суд вправе признать недобросовестными действия обладателя права на товарный знак, направленные на создание препятствий к использованию тождественных или сходных с ним до степени смешения обозначений, т.е. действий по защите нарушенных исключительных прав на товарный знак, в случае отсутствия фактического его использования самим правообладателем¹⁶.

На наш взгляд, такой подход должен распространиться и на патентную сферу.

¹³ Известным является дело американской компании Lodsys group LLC против группы компаний «Лаборатория Касперского». В 2012 г. Lodsys group LLC подала иски в техасский суд против большого числа производителей, ссылаясь на нарушение ее патентных прав на программное обеспечение. Практически все компании пошли на переговоры с патентным троллем и заключили лицензионные соглашения. Однако «Лаборатория Касперского» решила бороться до конца. Юристы компании тщательно исследовали патенты патентного тролля и пришли к выводу об отсутствии каких-либо нарушений с ее стороны. В результате, спустя почти 4 года судебных разбирательств, Lodsys отозвала иск. См. Kaspersky E. Kill The Troll! / E. Kaspersky // Nota Bene: официальный блог Евгения Касперского. 2012. 26 июня.

¹⁴ Ворожевич А.С. Границы исключительных прав на патентно-охраняемые объекты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. С. 29–45.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 января 2016 г. по делу № 310-ЭС15-12683, А08-8801/2013 // СПС «КонсультантПлюс». Аналогичная позиция отражена в следующих актах: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2018 г. № С01-422/2018 по делу № А28-5685/2017, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 апреля 2021 г. № С01-156/2021 по делу № А60-582/2020, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 сентября 2017 г. № С01-347/2016 по делу № А45-18024/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Еще одним пределом исключительных прав является институт принудительной лицензии, установленный в ст. 1362 ГК РФ. О существовании данных правовых механизмов следует знать и помнить субъектам предпринимательской деятельности.

В рамках рассматриваемой темы интерес представляет также установленное ст. 1361 ГК РФ право преждепользования, которым могут воспользоваться «жертвы» патентного троллинга, использующие изобретение без получения патента. Но недостатком такого механизма является то, что такая компания будет должна использовать решение без расширения объема.

Также в литературе можно встретить идеи о возможности применения норм антимонопольного законодательства в целях борьбы с троллингом, в частности, положений о запрете недобросовестной конкуренции. Однако поскольку патентные тролли обычно не участвуют в хозяйственном обороте, и единственно осуществляемая ими деятельность — это предъявление требований к нарушителям, представляется, что речи о какой-либо конкуренции¹⁷ (в том числе недобросовестной) идти не может.

¹⁷ Понятие конкуренции дано в п. 7 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс». Данное определение нельзя применить к деятельности патентных троллей ввиду различия целей.

Наконец, мерой защиты от тролля в сфере товарных знаков может служить подача возражения против регистрации обозначения в Роспатент со ссылкой на отсутствие различительной способности или ввод потребителей в заблуждение (ст. 1500 ГК РФ).

Подводя итог всему исследованию, хочется привести справедливое замечание Г.А. Гаджиева о том, что положения ч. 4 Гражданского кодекса РФ в системной связи с конституционными нормами «не могут... рассматриваться как допускающие в судебной практике защиту интересов лица, которому принадлежит исключительное право на товарный знак (правообладателя), без оценки добросовестности его поведения в связи с реализацией этого права»¹⁸.

Тролли используют исключительные права в противоречии с их функциональным назначением и получают несправедливую прибыль, снижая при этом инновационную активность и создавая препятствия для развития небольших стартапов.

Хочется верить, что механизмы борьбы будут становиться все эффективнее и, подобно знаменитому молоту Тора, станут по-настоящему поражающим средством в борьбе с троллями.

¹⁸ Гаджиев Г.А. Патентный троллинг: вопросы правовой квалификации // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 31–39; № 3. С. 49–62.

Литература

1. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав на патентоохраняемые объекты / А.С. Ворожевич // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. С. 29–45.
2. Ворожевич А.С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы / А.С. Ворожевич // Закон. 2013. № 9. С. 68–79.
3. Гаджиев Г.А. Патентный троллинг: вопросы правовой квалификации / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 31–39.

References

1. Kaspersky E. Kill The Troll! / E. Kaspersky // Nota Bene: официальный блог Евгения Касперского. 2012. 26 июня.
2. McDonough J.F. The Myth of the Patent Troll: An Alternative View of the Function of Patent Dealers in an Idea Economy / J.F. McDonough // Emory Law Journal. 2006. Vol. 56. P. 189–228.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ судебно-экспертного заключения (на примере автоэкспертизы)

ТИЩЕНКО СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Приволжского филиала Российского
государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
stischenko@yandex.ru

СТОЯНОВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ,
магистрант Приволжского филиала
Российского государственного университета правосудия
ssf89@yandex.ru

Наибольшую сложность по сравнению с другими видами доказательств в судебном процессе представляет собой экспертиза. По мнению Р.И. Камал, «необходимость обращения граждан и общественных организаций к институту экспертизы обусловлена не только усложнением социально-экономических отношений в обществе, но и дифференциацией научного знания различных сфер человеческой деятельности»¹. С помощью экспертизы множество спорных вопросов могут быть разрешены только специалистами, обладающими специальными навыками и знаниями и в случае необходимости привлекаемыми судом к участию в деле. Вопросы, решаемые посредством проведения экспертизы, достаточно разнообразны. На-

пример, экспертиза может проводиться при рассмотрении дел о защите прав потребителей, дел о взыскании ущерба, причиненного имуществу собственников и иных правообладателей, дел в сфере градостроительной деятельности и экологической безопасности и других дел при доказывании в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. *Эффективность экспертизы* может быть достигнута лишь при соблюдении соответствующих принципов, процедур и условий, которые позволят четко регламентировать данный вид деятельности и обеспечить ее качество. В соответствии со ст. 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — ГПК РФ) суд оцени-

¹ Камал Р.И. Юридическая природа правовой экспертизы // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 195.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

вает доказательства с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности. Однако легальное понятие «судебная экспертиза» в ГПК РФ отсутствует, но оно содержится в нормах Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³ (далее — Федеральный закон «Об экспертной деятельности»). В соответствии со ст. 9 указанного закона судебная экспертиза представляет собой действие, состоящее из проведения исследования и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Как отмечает О.В. Егорова, «оценка достоверности заключения эксперта может осуществляться путем сопоставления заключения с другими собранными по делу доказательствами. В связи с этим представляется неверным утверждение о том, что достоверность заключения эксперта может быть оценена сама по себе, вне связи и вне сопоставления с другими доказательствами»⁴.

Форма экспертного заключения имеет определенную структуру и состоит из трех частей — вводной, исследовательской (описательной) и заключительной. В ст. 86 ГПК РФ перечислены сведения, которые должны содержаться в заключении эксперта. Во вводной части приводятся вопросы, которые поставлены судом в определении с допустимыми пределами перефразиро-

вания, которые отражают специфику профессиональной терминологии экспертного исследования. В исследовательской (описательной) части указываются вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов, объекты исследований и материалы дела, предоставленные эксперту для проведения судебной экспертизы. Содержание выводов в заключительной части экспертного заключения должно быть понятно всем участникам судебного процесса. По мнению О.В. Чельщевой и А.И. Борсова, в качестве дополнительного требования к экспертному заключению следует закрепить необходимость использования терминологии и формулировок, которые не требуют дополнительных разъяснений их содержания специалистами⁵.

Профессионализм эксперта, его квалификация и опыт работы в специальных областях науки и техники, по которым суду необходимо получить дополнительные доказательства, несомненно, влияют на полноту, обоснованность и достоверность экспертного заключения. Большое значение для разрешения судебного спора имеет также правильная постановка вопросов, формулируемых судом в определении о назначении судебной экспертизы. Например, в определении суда Центрального районного суда города Тольятти по иску Истца Х к ООО «Ульяновский автомобильный завод» судом были поставлены следующие вопросы: 1) Имеются ли на автомобиле УАЗ Патриот заявленные потребителем в иске и претензии *недостатки*? 2) Имеются ли в указанном автомобиле *недостатки*, исследованные сторонами в ходе проверки качества автомобиля Истца? 3) Имеют-

³ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

⁴ Егорова О.В. Особенности оценки заключения эксперта: критерии достоверности // Арбитражная практика. 2009. № 11.

⁵ Чельщева О.В., Борсов А.И. К вопросу об оценке заключения судебной экспертизы // Актуальные проблемы науки и практики: гатчинские чтения — 2019 : материалы Международной научно-практической конференции : сб. науч. ст. / члены редколлегии: В.Р. Ковалев, Р.Н. Авербух, Т.О. Бозиев [и др.] ; председатель ред. совета С.В. Тарасов. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. С. 437.

ся ли в автомобиле УАЗ Патриот *иные недостатки*? 4) Каковы причины возникновения *выявленных недостатков*? 5) Являются ли *выявленные дефекты* существенными?

Представляется, что в рассматриваемом случае вопросы, поставленные судом, сформулированы не совсем корректно. По мнению Г.Р. Сибгатуллиной, для обозначения различного рода недостатков в последнее время все чаще используется понятие «дефект» как инновационное понятие. Автор отмечает, что позиция ученых-правоведов по поводу смыслового значения данного понятия довольно неоднозначна, что порой приводит к рассогласованию понятийного аппарата современной правовой теории⁶.

В то же время в преамбуле Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁷ (далее — Закон «О защите прав потребителей») дается понятие «недостаток товара (работы, услуги)», под которым понимается несоответствие товара (работы, услуги) или обязательным требованиям, предусмотренным законом либо в установленном им порядке, или условиям договора (при их отсутствии или неполноте условий обычно предъявляемым требованиям), или целям, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или целям, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию.

Понятие «дефект» в законодательстве отсутствует, но содержится во вспомогательных правовых актах — ГОСТах, в частности: «...дефект (defect): неисправность или

отклонение от требуемого состояния материала, сборной конструкции или компонента...» содержится в ГОСТ Р 56828.15-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Наилучшие доступные технологии. Термины и определения»⁸. Пунктом 2 ст. 425 Гражданского кодекса Российской Федерации⁹ (далее — ГК РФ) определены признаки отнесения выявленных недостатков товара к существенным, перечень которых не является исчерпывающим. Вместе с тем Закон «О защите прав потребителей» содержит дополнительные признаки, в частности, к «существенным» может быть отнесен недостаток, который делает «невозможным или недопустимым использование товара в соответствии с его целевым назначением». Указанным законом введено и понятие «существенного недостатка» товара (работы, услуги). Существенным признается «неустранимый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения, или другие подобные недостатки». Здесь стоит обратить внимание на то, что установление «существенности» не входит в компетенцию эксперта, поскольку данный вопрос имеет сугубо правовой характер. По мнению ряда исследователей, в том числе Г.В. Вершицкой, к процессуальным нарушениям производства судебной экспертизы относится выход за пределы его компетенции¹⁰.

⁶ Сибгатуллина Г.Р. Понятия «дефект права» и «юридическая ошибка» в современной юридической науке // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 221.

⁷ Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁸ ГОСТ Р 56828.15-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Наилучшие доступные технологии. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 26 октября 2016 г. № 1519-ст). М.: Стандартинформ, 2016.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹⁰ Вершицкая Г.В. Критерии оценки заключения судебного эксперта // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 1. С. 59.

В связи с существующими недостатками правовой терминологии федерального законодательства, при подготовке судебно-экспертного заключения с учетом предъявляемых к нему требований по качеству, эксперту необходимо включать в экспертное заключение дополнительные разъяснения к некорректно примененным терминам в вопросах суда.

Так, в области надежности техники разъяснения к терминам и определениям частично содержатся в ГОСТ Р 27.102-2021 «Надежность в технике. Надежность объекта. Термины и определения»¹¹, введенный в действие с 1 января 2022 г. взамен ГОСТ 27.002-2015 «Надежность в технике (ССНТ). Термины и определения». Указанным ГОСТом введены необходимые термины и разъяснения к ним.

Автотехнические эксперты используют также терминологию, содержащуюся и в других источниках, например: Методическое руководство для экспертов и судей «Исследование недостатков легковых автомобилей отечественных моделей, находящихся в эксплуатации»¹². (далее — Методическое руководство для экспертов и судей) и ГОСТ 15467-79 «Управление качеством продукции. Основные понятия. Термины и определения»¹³ (далее — ГОСТ 15467-79 «Управление качеством продукции»).

При таком разнообразии понятий и определений, а также правовой неопределенности некоторых терминов, применяемых к исследуемому объекту, на автоэксперте лежит большая ответственность за выбор того или критерия оценки состояния объекта, на основании которого эксперт делает вывод.

Следует отметить, что при анализе судебных решений, вынесенных по результатам судебных экспертиз, термин «недостаток» и «производственный отказ» с технической точки зрения эксперты рассматривают как термин «дефект», а применение терминов «неисправное состояние или неисправность» и «неработоспособное состояние» используют только после выявления наличия «дефектов» на исследуемом автотранспортном средстве и определения «соответствия» или «несоответствия» требованиям, установленным документацией. В целях определения дефектов транспортного средства как продукции, их классификации, последующего анализа и выводов эксперты применяют два основных государственных стандарта: ГОСТ Р 51814.2-2001 «Система качества в автомобилестроении. Анализ видов и последствий потенциальных дефектов»¹⁴ и ранее указанный ГОСТ 15467-79 «Управление качеством продукции», которыми введены понятия, определяющие разновидности дефектов. К таковым, согласно данным правовым актам, относят: явный, скрытый, критический, значительный, малозначительный, устранимый, неустранимый дефекты¹⁵. Как было отмечено выше, критерии существенности дефектов (недостатков) изложены в Методическом руководстве для экспертов и судей. К таким критериям относятся: неустранимость дефекта из-за отсутствия раз-

¹¹ ГОСТ Р 27.102-2021 Надежность в технике. Надежность объекта. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 8 октября 2021 г. № 1104-ст). М.: ФГБУ «РСТ», 2021.

¹² Методическое руководство для судебных экспертов и судей «Исследование автотранспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки» (утв. 12.12.2008 Минюстом России и разработанный Федеральным бюджетным учреждением Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499062261?section=status>

¹³ ГОСТ 15467-79 Управление качеством продукции. Основные понятия. Термины и определения (с Изменением № 1) (утв. и введен в действие Постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 26.01.79 № 244 (ред. от 01.05.2009)). М.: Стандартинформ, 2009.

¹⁴ ГОСТ Р 51814.2-2001 Системы качества в автомобилестроении. Метод анализа видов и последствий потенциальных дефектов (переиздание: август 2020) (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 02.10.2001 № 401-ст; дата введения 01.01.2002). М.: Стандартинформ, 2020.

¹⁵ См.: ГОСТ 15467-79 «Управление качеством продукции».

работанной изготовителем технологии ремонта; несоразмерность расходов по устранению дефекта; несоразмерность времени по устранению дефекта; производственные дефекты хотя бы трех основных агрегатов (двигатель, коробка передач, раздаточная коробка, задний мост в сборе, передний мост в сборе), а для переднеприводных АТС — двух основных агрегатов (двигатель, коробка передач); неоднократно выявляющийся производственный дефект; наличие влияния дефекта на безопасность дорожного движения; производственный дефект детали гарантированной прочности. Эксперт вправе указать только наличие критериев существенности, а уже по критериям суд определяет существенность.

К спорным, часто обсуждаемым и требующим разъяснения аспектам данной проблематики относятся: особенности корректности формулировок вопросов, которые ставятся перед экспертом при назначении судебной экспертизы, а также критерии выбора экспертного учреждения (эксперта).

В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбиратель-

ству»¹⁶ указывается, что «в соответствии со статьей 79 ГПК РФ на разрешение экспертизы могут быть поставлены только те вопросы, которые требуют специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла. Недопустима постановка перед экспертом (экспертами) вопросов правового характера, разрешение которых относится к компетенции суда».

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод: заключение эксперта имеет ряд особенностей и является одним из видов доказательств в судебном процессе. При назначении судебной экспертизы особое внимание следует уделять выбору эксперта и постановке корректных вопросов, которые ставятся судом для разрешения дела по существу. Перечисленные особенности непосредственно влияют на качество экспертного заключения, включая обоснованность и полноту выводов, а также объективность и убедительность мнения эксперта, характеризующие его компетентность и квалификацию.

¹⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

Литература

1. Вершицкая Г.В. Критерии оценки заключения судебного эксперта // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 1. С. 56–62.
2. Егорова О.В. Особенности оценки заключения эксперта: критерии достоверности / О.В. Егорова // Арбитражная практика. 2009. № 11.
3. Камал Р.И. Юридическая природа правовой экспертизы / Р.И. Камал // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 195–198.
4. Сибгатуллина Г.Р. Понятия «дефект права» и «юридическая ошибка» в современной юридической науке / Г.Р. Сибгатуллина // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 221–224.
5. Чельщева О.В. К вопросу об оценке заключения судебной экспертизы / О.В. Чельщева, А.И. Борсов // Актуальные проблемы науки и практики: гатчинские чтения — 2019 : материалы Международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 17–18 мая 2019 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии: В.Р. Ковалев, Р.Н. Авербух, Т.О. Бозиев [и др.] ; председатель редакционного совета С.В. Тарасов. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. С. 436–439.

ПРАВО, ЭТИКА И ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ в журналистике: сравнение разных концепций

ДЕЙ ЗАХАР ДМИТРИЕВИЧ,

студент факультета журналистики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
dej.zahar@yandex.ru

Не иметь ни одной мысли и суметь ее выразить —
вот как становишься журналистом.

К. Краус

Этика: нестабильность содержания и исторический контекст

Казалось бы, что может быть стабильней, чем этические принципы? Мораль формировалась с развитием общественной жизни постепенно, линейно, приобретая все новые очертания и формы. Для многих она являлась и является тем самым островком логики и порядка посреди бушующего океана дискуссий и расхождений. Но на самом деле стабильность морали, или этики, — миф. Культура играет огромную роль в «производстве» социальных норм — границ дозволенного и позвольного. Европейский континент второй половины XX в. не допускает легитимацию (пусть и социокультурную) культа насилия, жестокости, кровной мести или каннибализма. А в Папуа — Новая Гвинея, как известно, почти до середины

1990-х «охота за головами» имела место в социальной жизни и расценивалась как часть обычаев, не вступающих в противоречие с моралью аборигенов.

Итак, мораль на деле тоже довольно шаткий инструмент регуляции социума, раз его формы заметно меняются с течением времени и к тому же прямо зависят от культурных, этнических и исторических предпосылок, от накопившегося опыта.

Наш разговор, однако, не о морали как таковой, а о ее, так сказать, более очерченной форме — об этике. Этика чаще, чем мораль, находит выражение не в памяти и поступках, а во вполне материальных, письменных носителях информации.

Строго говоря, первым этическим кодексом, представляющим собой набор общечеловеческих ценностей, являются известные каждому десять заповедей Ветхого Завета.

та — некие предписания о жизни «по закону Божьему».

Наряду с сугубо моральными кодексами о чести и достоинстве человека (таковые, как правило, связаны с религией) появляются профессиональные этические кодексы. Одним из первых считается «клятва Гиппократата» — этический кодекс врачей.

Так, почти у каждой профессии рано или поздно возникают свои этические кодексы — те каноны, по которым строится «репрезентация» личности внутри профессионального сообщества.

Важно осознавать, что этический кодекс — это набор «рекомендуемых» основ деятельности в той или иной профессии, отвечающий высоким стандартам чести и достоинства исполнителя, некий идеал. Для этического кодекса характерна диспозитивность исполнения. Понятно, что за его «нарушение» будет применена социальная санкция скорее в виде общественного осуждения, а не в виде юридической ответственности (однако не стоит забывать, что нередко положения этических кодексов становятся частью законодательства в том числе о СМИ, и тогда, конечно, рассмотрение нарушения его норм может перенестись в юридическую плоскость).

Российские и зарубежные этические кодексы по принципам журналистики

Предмет нашего сегодняшнего разговора — сравнение российского и зарубежного журналистских этических кодексов, обнаружение существенных общих и различных их черт и высказывание нашего, безусловно, субъективного мнения об их достоинствах и недостатках.

Первым задокументированным этическим кодексом журналистики принято считать «Каноны журнализма», или *Этические правила, принятые Американским об-*

ществом редакторов газет 28 апреля 1923 г. Именно от него берут отсчет все современные журналистские этические кодексы, этот документ уникален в своем роде. Кажется, что спустя 100 лет после создания он должен сильно устареть и представлять интерес больше с исторической точки зрения, однако это совсем не так. Его содержание не утратило актуальность, содержит базовые положения о деятельности журналиста, руководствоваться которыми может любой представитель медиакоммуникаций и по сей день.

«Каноны журнализма» начинаются с небольшой преамбулы, где кратко рассказывается о функциях американской газеты («сообщать человечеству о том, что люди делают, чувствуют и думают») и о священной роли деятельности журналиста. Даже по названию документа понятно, что он написан в духе «Билля о правах», высоким, книжным языком, с торжественным оттенком.

В «Канонах журнализма» выделены несколько положений, которые являются неотъемлемыми для построения независимой газеты, создания института СМИ и регулирования его деятельности, исходя из «благородных стремлений американской журналистики». Стоит сказать, что эти принципы позже лягут в основу других, более поздних, этических кодексов журналистики в США и других странах, ведь они действительно составляют основу построения демократического общества и демократических институтов в любой правовой системе. Да, возможны некоторые расхождения — о них позже, — но «высокие принципы журналистики» остаются неизблемыми, пожалуй, для любого демократического государства.

К ним относятся:

Ответственность — редакция и, в частности, автор материала ответственен перед обществом в выполнении своего «высоко-

го долга», говорят «Каноны». Эгоистические цели, если они являются мотивацией для журналистской деятельности, — не что иное, как «нечестность» по отношению к профессии.

«Свобода печати — одно из неотъемлемых прав человечества. Она означает свободу обсуждать все, что не запрещено законом, включая содержание всякого закона, ограничивающего права граждан».

Независимость — здесь впервые приводятся положения относительно фактчекинга, т.е. проверки достоверности предоставляемой журналистом информации; говорится о недопустимости использования ссылок на «так называемые частные источники» или тем более — недостоверные.

Искренность, правдивость, точность — из названия ясно, что честность — первый общественный долг журналиста. Интересно, что именно в этом положении, пожалуй, впервые рассматривается то, что сегодня именуют «кликбейтными заголовками». Еще в 1923 г. «Каноны журнализма» утверждали: «Заголовки обязаны точно соответствовать содержанию статей».

Беспристрастность — здесь говорится о базовом различии между новостными заметками и выражением мнений. Сообщения хроникального формата не должны содержать мнения или отличаться тенденциозностью.

Добросовестность — это положение представляет собой, по сути, аналог современных ст. 23 Конституции РФ¹ и ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации² («Защита чести, достоинства и деловой репутации»). Журналист не должен

вмешиваться в частную жизнь граждан, только если такое вмешательство не мотивировано «правом общества на получение важных сведений».

Благопристойность — пожалуй, самый спорный принцип из «Канонов журнализма». Он больше, чем все другие, восходит к моральной стороне профессии. Утверждается, что если публикация содержит подробности совершения преступления или «живописует порок», то она вредит общественной морали и наносит вред гармоничному развитию человека. В этом высокоморальной «памфлете» есть, конечно, доля правдивости, однако он игнорирует, что детальность зачастую рисует перед читателями или зрителями картину воцарившегося ужаса, не «живописуя» его, как это было сказано, а обличая. Конечно, нужно учитывать и подачу материала, и целевую аудиторию, и исторический контекст: не удивительно, что в более поздних американских журналистских кодексах пункт о «благопристойности» не встречается. Он — пример того, что общественная мораль движется в сторону большей правдивости и реалистичности: детали, даже самые «неблагопристойные», как правило, нужны и важны. В них заключен смысл преступления, его истинное, незамыленное лицо, благодаря которому освещение «порока» становится правдивым, а правда сегодня — то главное, чего требуют от журналиста.

«Каноны журнализма» — очень важный документ о журналистах и журналистике. Став своеобразной точкой отсчета для создания этических кодексов в других западных странах, он заложил основы этического представления о труде медиасообщества, журналистов, впоследствии модернизирующегося, но остающегося верным неизменным принципам правдивости, объективности и достоверности.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

«Каноны журнализма» и Кодекс профессиональной этики российского журналиста

Первым отечественным профессионально-этическим документом о журналистике становится «Кодекс профессиональной этики журналиста», принятый первым съездом Союза журналистов СССР на конфедеративной основе 24 апреля 1991 г.

В нем достаточно подробно описаны те «морально-нравственные ориентиры», которыми должен руководствоваться журналист. Однако данный Кодекс относится к советскому периоду и, что абсолютно логично, во многом мотивирован советским мировоззрением, до конца не освободившимся от множественных идеологических скреп и представлений, а потому, на наш взгляд, более показательным является Кодекс профессиональной этики российского журналиста³, одобренный Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 г. — к тому же многие его принципы были « позаимствованы » из Кодекса профессиональной этики СССР.

Возможно, многие посчитают немотивированным сравнение «Канонов журнализма» и Кодекса профессиональной этики российского журналиста, ведь между их публикацией прошло более 70 лет, однако подобный выбор последовательно аргументирован.

Во-первых, «Каноны журнализма» стали, можно сказать, фундаментом для целого ряда следующих за ним этических кодексов, и на их примере можно рассматривать тенденции формирования профессиональной этической модели для всего западного общества. Во-вторых, Кодекс профессиональной этики российского журналиста в свою очередь — главный документ в этой сфере в Российской Федерации, осно-

ва других, более специализированных этических кодексов.

Первая очевидная разница между «Канонами журнализма» и Кодексом профессиональной этики российского журналиста — та форма, в соответствии с которой они написаны.

«Каноны журнализма» — это некий рекомендательный свод для журналистов, рассказывающий о высоком нравственном и духовном предназначении профессии, о вечных ценностях свободного общества и ответственности за информационную достоверность. Это, сугубо говоря, своеобразный идеал, к исполнению которого стоит стремиться. Российский же кодекс гораздо более официален и формален, что понятно почти с самого начала: «Журналист *всегда* обязан действовать, исходя из принципов профессиональной этики, зафиксированных в настоящем Кодексе...»

Императивные категории, вроде «обязан», «должен», и использование настоящего времени («признает», «уважает», «сохраняет») создают у читателя невольную ассоциацию с законодательным актом. Принципы становятся общепринятыми и обязательными, не требующими обсуждения или не предполагающими различной интерпретации.

На наш взгляд, такая разная форма представления двух этических документов создает принципиально отличное восприятие даже близких по содержанию положений.

Согласитесь, есть разница между подобными высказываниями, по сути сообщающими об одном и том же: «Умышленное написание редакционных комментариев, которые скрывают правду, противоречит высшим ценностям американской журналистики...» («Каноны журнализма») и «Журналист рассматривает как тяжкие преступления злонамеренное искажение

³ URL: <http://sjr34.ru/upload/iblock/6ea/h6tks03ph7x0vjijx-p13onma1wpcd0ty.pdf>

фактов, клевету, получение при любых обстоятельствах платы за распространение ложной или сокрытие истинной информации...» (Кодекс профессиональной этики российского журналиста). С одной стороны, разговор о «высших ценностях», с другой — о «тяжких преступлениях» и «распространении ложной информации».

Банальный вопрос «А как лучше?» может развернуться в долгую дискуссию, сводящуюся к самому восприятию этического материала. Каким он должен быть: четким и формальным, развернутым и высокоморальным, строгим и конкретным? Вопросы, на которые каждое государство отвечает по-своему.

Однако мы не побоимся высказать здесь и свою позицию: категоричности и четкости и так хватает в законном поле, этика и существует как неочевидная оппозиция праву — не столько в содержании, сколько в средствах представления. Американская модель кажется с точки зрения формы несколько более удобной для читателя — как представителя профессионального общества, так и гражданина. Она говорит о высоком предназначении журналиста для общества, о его священном долге, о его не менее священной ответственности, она не использует никакого категорического императива — выводы делает сам представитель профессии, а санкции, не беспокойтесь, успеют быть применены. С этими задачами общество и государство всегда справлялись.

Поговорив о форме написания кодексов, перейдем непосредственно к главному — к содержанию.

Как ни странно, разницы в этом аспекте значительно меньше. Все этические профессиональные кодексы на самом деле необычайно похожи друг на друга.

Главное их различие базируется, пожалуй, на смежности отечественного кодекса с Законом РФ от 27 декабря 1991 г.

№ 2124-1 «О средствах массовой информации»⁴ и законодательной основой в принципе («Журналист соблюдает законы своей страны»), тогда как «Каноны журнализма» — документ вполне самостоятельный, больше апеллирующий к морали, чем к праву.

Идея ответственности журналиста перед обществом, заявленная в начале «Канонов», красной нитью проходит через российский этический Кодекс — в тех частях, где говорится о профессиональном долге и служении интересам общества, о принципах института журналистского расследования («Только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование»).

О так называемой «Свободе печати» или принципе свободы слова в российском кодексе прямо не сообщается, но это делается во многом потому, что авторы документа не видят целью публикацию и так известных всем конституционных положений, а концентрируются на моральных обязанностях журналиста.

Концепция «независимости» и роли фактчекинга, подробно описанные в «Каноны журнализма», находят полное отражение и в российском кодексе. Отечественный этический кодекс в целом гораздо более исчерпывающе описывает вполне конкретные нарушения тех или иных этических установок. Так, говорится о том, что журналист не вправе получать от каких-либо лиц вознаграждения за работу, не вправе публиковать недостоверную или заведомо ложную информацию, а в случае, если случайным образом подобное все же произошло, обязан своевременно исправить «оплошность» («журналист обязан исправить свою ошибку, используя полиграфические и (или) аудиовизуальные средства»).

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

То, что в «Канонах журнализма» называется «искренностью, правдивостью, точностью», в российском кодексе, безусловно, присутствует — в виде множества конкретных разъяснений («...журналист не прибегает к незаконным и недостойным способам получения информации» / «Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен»).

Базовое различие между мнением и новостными заметками отмечено в обоих документах, причем язык, которыми авторы указывают на важность этого положения, здесь, к удивлению, сходится: «Журналист обязан четко проводить в своих сообщениях различие между фактами... и тем, что составляют мнения, версии или предположения» / «...в газетной практике принято проводить резкую грань между сообщением новостей и выражением мнений».

В целом Кодекс профессиональной этики российского журналиста — документ во всех смыслах гораздо более полный, чем «Каноны журнализма», что, конечно, понятно, ведь американский вариант первый в своем роде. В отечественном документе многие положения раскрыты достаточно подробно. К примеру, говорится о том, что журналист не обязан быть нейтральным, о праве на ответ, о подписи под материалами и правом не ставить ее, о профессиональной тайне, о конфиденциальной информации, о недопустимости оскорбления чести и достоинства личности, о презумпции невиновности.

Довольно интересно, что авторы документа обращают отдельное внимание на независимость института журналистики от властных структур или участия в военных конфликтах: «Журналист полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должностей в органах государственного управления...» / «Журналист осознает, что его профессиональная деятельность прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие».

Что в итоге?

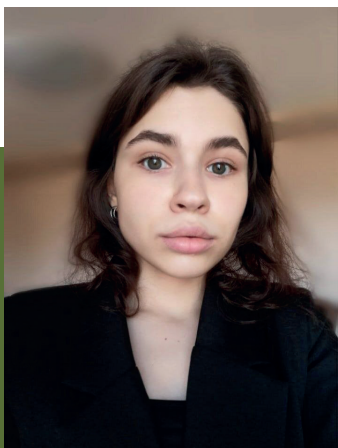
«Каноны журнализма» и Кодекс профессиональной этики российского журналиста — основополагающие документы для представления об этических нормах в данной сфере.

Разделенные 70 годами истории, они выражают довольно общие концепты: свободу выбора журналиста, его высочайшую ответственность перед обществом, его независимость от государственной власти, его священный долг перед людьми. Удивительно, что, несмотря на существенные различия в этических установках в зависимости от политического контекста, религии или социальных условий, моральные заветы журналистики столь устойчивы в демократическом сознании общества и государства. Они могут быть преподнесены в разной форме, но их содержательный базис так же тверд, как воля настоящего журналистика, всего стремящегося во что бы то ни стало узнать правду — в этом и его моральный долг, и его ответственность.

Литература

1. Профессиональная этика журналиста / составитель Ю.В. Казаков. 4-е изд., с изм. и доп. Москва : Медея, 2004. 480 с.
2. Прохоров Е.П. Правовые и этические нормы в журналистике / Е.П. Прохоров. 2-е изд., с изм. и доп. Москва : Аспект пресс, 2007. 230 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ правоохранительных органов со СМИ и общественностью

СЕМЧЕНКО ВАЛЕРИЯ ОЛЕГОВНА,

студент Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
член Научно-образовательного центра Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
«Право и СМИ»
7lera2007@mail.ru

В эпоху технического прогресса появляются новые методы и способы совершения правонарушений, что обуславливает появление новейших средств и способов для борьбы с ними. Поэтому использование помощи СМИ и общественности особенно актуально.

Исследователи и правоведы до сих пор не смогли договориться о том, как именно стоит понимать взаимодействие правоохранительных органов и представителей СМИ и общественности. В связи с этим его определяют различными терминами: «взаимодействие», «использование СМИ», «использование помощи СМИ», «участие СМИ», однако каждый из терминов содержит разный объем контакта правоохранителей и СМИ. В данном случае термин «взаимодействие» наиболее привлекателен и широк, так как под ним и можно понимать совместную деятельность правоохранителей и СМИ, однако если рассматривать определенные направления такой совместной деятельности, то в отношении СМИ правоохранительными органами оптимально говорить о «использовании возможностей СМИ».

Ранее, как отмечал В.Т. Томин в своей работе, сотрудничество ОВД со СМИ в рамках борьбы с преступностью осуществлялось по двум направлениям. Первое — это концентрация усилий в области правовой пропаганды, которая признана воспитать гражданина, активного в правовой сфере. На втором же уровне взаимодействия реализуется идея формирования у населения инициативы оказывать помощь государственным органам в раскрытии конкретных уголовных дел¹. Но здесь важно отметить проблему, характерную и в наши дни: опыт сотрудничества правоохранителей со средствами массовой информации применяется неохотно и не повсеместно. Одна из причин такой проблемы — это неумение и нежелание сотрудников идти на контакт с газетами, радио и телевидением.

Очевидно, что у их взаимодействия есть положительные и отрицательные стороны. Так, СМИ не всегда следуют разумности в диалоге с государственными органами. Очень часто бывают случаи, когда чрезмер-

¹ Томин В.Т. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1976. С. 27.

ная активность СМИ препятствует нормальному функционированию правоохранительных органов, что проявляется в разглашении тайн, вмешательстве в расследование в целом и подрыве авторитета власти. Здесь последние по праву могут говорить об искажении реальной действительности. Сотрудники средств массовой информации же заявляют, в свою очередь, что им нередко предоставляется малозначительная или вовсе незначительная информация, которая не сопоставляется с их интересами.

Здесь уместно привести в пример журналистское расследование об убийстве Анны Политковской, которое было опубликовано 7 октября 2021 г. в форме фильма-расследования². Представители СМИ не скрывают, что им известно гораздо больше информации, чем властям и правоохранительным органам (говоря о некоем тайном свидетеле), именно в этом они и упрекают последних. Журналисты также упрекают следствие, что они «специально» в упор не видят реального заказчика убийства и посредников, уводят на ложный путь в поиске заказчика, однако, по мнению представителей СМИ, заказчик следствию давно известен. Тем самым журналисты идут наперекор правоохранительным органам, дают основания усомниться гражданам в эффективности правоохранительных органов, подрывая их авторитет. Очевидно, что в рамках взаимодействия обе стороны выполняют задачи, находящиеся конкретно в их компетенции. Если бы правоохранители писали статьи и вели репортажи при необладании знаниями редакции и журналистики в целом, а журналисты занимались бы правоохранительной деятельностью без нужной компетенции в правовых вопросах — стране было бы очень плохо, поскольку без обладания соответствующими знаниями не будет качественного и результа-

тивного осуществления каждой из этих деятельностей. Именно поэтому каждый должен заниматься своим делом. Безусловно, есть случаи, когда выход за пределы компетенции возможен. Для таких случаев важно выработать постоянную модель взаимодействия, для которой характерно, прежде всего, взаимовлияние и использование возможностей друг друга для достижения конкретных целей и выполнения определенных задач, притом, что деятельность каждой из сторон (журналистов и правоохранителей) не будет формировать недоверие и умалять авторитет друг друга.

Взаимодействуя со СМИ, правоохранительные органы в процессе своей деятельности имеют возможность успешно использовать ресурсы, разрабатывать задачи и их решения, а также повышать эффективность всех возможных процессуальных мероприятий, тем самым усиливать доверие к ним и авторитет в глазах населения³.

Итак, без разумного и постоянного контакта со СМИ правоохранительные органы не смогут влиять на решение задачи по развитию положительного мнения об их работе у населения, а также оптимизировать взаимодействие в рамках противодействия преступной деятельности и охраны правового порядка⁴.

Взаимодействие многогранно и многоаспектно, в силу чего нет единого закона, который бы регулировал его во всей полноте картины, что является одной из проблем. Не исключено, что с таким разрозненным объемом правовой базы имеются вопросы, которые совсем не урегулированы правом.

Потребность во взаимодействии СМИ и общественности с правоохранительными органами нередко обусловлена недостаточным количеством информации (или же

² Фильм «Как убили Анну, чья жизнь принесла стране огромную пользу, а смерть нанесла непоправимый урон. Убийство Политковской: впервые рассказываем подробную историю расследования “Новой газеты”». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Pfbjnpfj3ZE> (дата обращения: 17.01.2023).

³ Бахин В.П., Карпов Н.С. О некоторых проблемах использования средств массовой информации в борьбе с преступностью // Закон и жизнь. 2004. № 9. С. 28.

⁴ Янбухтин Р.М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2015. № 7–2 (57). С. 213.

ее полным отсутствием) о правонарушениях и их субъектах, а также невозможностью получать данную информацию какими-либо другими способами.

При рассмотрении взаимодействия представляется возможным выделить такие виды взаимодействия, как:

во-первых, систематическое осведомление населения о состоянии правопорядка и о предпринятых и предпринимаемых мерах борьбы с преступностью;

во-вторых, подготовка правоохранителями периодических пресс-релизов для публикаций в СМИ;

в-третьих, осуществление правоохранительными органами консультаций по правовым вопросам для представителей средств массовой информации;

в-четвертых, организация пресс-конференций, брифингов и круглых столов для представителей СМИ, что позволяет средствам массовой информации получать интересующую их информацию из «первоисточника»;

в-пятых, привлечение представителей СМИ и общественности для участия в рейдах и различных операциях;

в-шестых, правовая пропаганда, осуществляемая правоохранителями посредством СМИ, которая способствует повышению уровня правовой культуры и правового воспитания в обществе, что является своего рода мерой профилактики правонарушений;

в-седьмых, информация, размещенная в СМИ, может являться поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, о чем говорится в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации⁵.

Ну и, наконец, самая известная практика использования помощи СМИ и общественности в контакте с правоохранительными органами — их привлечение к работе по установлению и розыску лиц. С 60-х го-

дов прошлого века в криминалистической науке активно высказывалось мнение о необходимости привлечения общественности и СМИ с целью оказания помощи следователю в розыске преступников и их следов. Данную инициативу еще в начале XX в. поддерживал основоположник криминалистики: Г. Гросс указывал на положительную роль средств массовой информации в розыске свидетелей, владельцев вещей и при выяснении обстоятельств преступления⁶.

Использование возможностей СМИ в рамках розыска, как правило, продиктовано следующими причинами: отсутствие или недостаточность сведений о событиях и причастных к ним лиц: обвиняемых, очевидцев и свидетелей, невозможность получения информации какими-либо другими способами — здесь правоохранители прибегают к помощи «четвертой ветви власти», т.е. СМИ⁷.

В настоящее время использование СМИ в рамках розыскной деятельности успешно практикуется в таких направлениях, как розыск преступников, личность которых установлена или не установлена; розыск потерпевших, свидетелей и очевидцев совершенного преступления; установление личности убитого; поиск похищенного имущества и отыскание вещественных доказательств.

Благодаря правильному использованию СМИ в розыскной деятельности это способствует экономии времени, ресурсов; территория, население которой может быть привлечено к розыску преступника, расследованию с помощью СМИ, не ограничена никак. Поэтому активно используются телевидение, радио, газеты, журналы, мобильная связь. Выдающийся специалист в области уголовно-процессуального права, И.Я. Фойницкий, отмечал, что одним из

⁵ Часть 2 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / пер. с нем. с 4-го доп. изд. Л. Дудкин и Б. Зиллер. СПб. : Н.К. Мартынов, 1908. С. 343.

⁷ Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 195.

методов для успешного осуществления уголовного сыска (местного или федерального розыска) являются газеты и публикации в них⁸. Наиболее эффективным, также по мнению многих исследователей, является применение СМИ на местном уровне, которые распространяют свое влияние не на всю страну целиком, тогда как при наиболее громких и опасных преступлениях эффективнее и удобнее общегосударственные СМИ.

Борьба с преступностью является общим и значимым делом для правоохранительных органов и общественности. Стоит отметить, что помощь общественности активно применялась уже с древних времен. Следователи в самом начале расследования часто прибегали к помощи общественности, так как это существенно облегчало сбор и получение информации относительно события преступления, его участников, свидетелей. Помощь общественности может быть как по инициативе граждан, так и после приглашения к участию должностным лицом, к примеру, понятые приглашаются следователем при осуществлении некоторых следственных действий, где их участие обязательно. Согласно гл. 2 Федераль-

ного закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» помощь и содействие могут оказываться как лицами и группами лиц, не входящими в общественные объединения, так и представителями, входящими в общественные объединения правоохранительной направленности⁹. Примером проявления такой помощи могут быть добровольные народные дружины, общественные помощники следователей и внештатные сотрудники полиции.

Взаимодействие правоохранительных органов со СМИ и общественностью необходимо. Умелое использование СМИ способно обеспечить быстрое и качественное раскрытие и расследование преступлений, помогая решить основные задачи уголовного процесса. А СМИ, в свою очередь, в рамках конструктивного и продолжительного сотрудничества с правоохранительными органами будут обладать необходимой и интересующей их информацией для успешного осуществления своей деятельности, исключив риск искажения реальной картины.

⁸ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1896. С. 290.

⁹ Глава 2 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Бахин В.П. О некоторых проблемах использования средств массовой информации в борьбе с преступностью / В.П. Бахин, Н.С. Карпов // Закон и жизнь. 2004. № 9. С. 28–34.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. : перевод с немецкого с 4-го доп. изд. Л. Дудкин и Б. Зиллер. Санкт-Петербург : Н.К. Мартынов, 1908. 1040 с.
3. Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений / Д.Н. Лозовский // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 194–196.
4. Томин В.Т. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью / В.Т. Томин. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1976. 96 с.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 частях. Ч. 1 / И.Я. Фойницкий. Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1896. 594 с.
6. Янбухтин Р.М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия / Р.М. Янбухтин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2 (57). С. 213–217.

ЗАЩИТА КОНТЕНТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: условия для осуществления пользователями правомерной деятельности в сети Интернет

ГУБАЕВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА,

студент магистратуры по программе «Правовое обеспечение предпринимательской деятельности (право и бизнес)»

Юридического факультета

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

gubaeva@yandex.ru

Ежедневно тысячи пользователей заходят в социальные сети, чтобы посмотреть ленту новостей, посмеяться над смешными видеороликами, выложить новое фото в свой аккаунт. Однако многие даже не задумываются, что любой контент, выложенный в интернет-пространство, является объектом права интеллектуальной собственности и подлежит охране. В настоящей статье автором проведен анализ, как защищаются результаты интеллектуальной деятельности пользователей в социальных сетях, а также сформулированы некоторые практические рекомендации по правомерной деятельности в сети Интернет.

Любые видеоролики, создаваемые пользователями социальных сетей, видео короткого формата Reels, фото- и текстовые посты охраняются нормами авторского права. Охрана авторского права предполагается с момента создания объекта — произведения науки, литературы и искусства. Научно-правовое определение произведения гласит, что это «совокупность идей и

образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения»¹.

Кроме того, при создании объекта авторского права презюмируется творческий вклад автора. В доктрине выделяется субъективный и объективный подход к требованию творческого характера труда автора. Субъективный подход проявляется в том, что произведение должно быть уникально, проявлять в себе личность автора². Объективный же подход заключается в том, что авторское право призвано охранять только те произведения, которые обладают объективной новизной. То есть творческий результат, полученный автором, представля-

¹ Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М. : Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 32.

² Иоффе О.С. Советское гражданское право : курс лекций : в 3 т. Т. 3. Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности : Семейное право. Наследственное право. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1965. С. 5.

ет неожиданность как для самого создателя, так и для всех третьих лиц³.

Принципа творческого вклада автора в произведения придерживается и судебная практика: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10⁴ закрепляет презумпцию оригинальности любого произведения, согласно которой результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом, пока не будут представлены опровергающие данный факт доказательства.

Отличительной чертой признания охраны за произведением является выражение его в объективной форме. Авторское право защищает форму, но не содержание произведения. Поэтому не будет являться нарушением вдохновение идеями и концепциями других пользователей социальной сети.

Так, мы вполне можем воодушевиться фотосессией любимого блогера и опубликовать в личном аккаунте свои фотографии в подобном стиле, избегая полного копирования первоначальных кадров. Кроме того, организация флешмобов в социальных сетях также не будет нарушать нормы авторского права. Например, флешмоб FliptheSwitch, в котором под трек исполнителя Drake пара должна поменяться одеждой после короткого выключения света, будет не только забавным времяпрепровождением, но и абсолютно правомерным.

Однако следует отличать вдохновение идеями от кражи чужого контента и буквального воплощения его в своих социальных сетях. Например, в 2012 г. Выборгский районный суд города Санкт-Петербурга вынес беспрецедентное решение, признав нарушением публикацию фотографии модели с макияжем, скопированным с оригиналь-

ного кадра визажиста⁵. Так, визажист Дарья Петухова, используя творческий псевдоним, выложила в социальные сети работу с креативным макияжем (см. рис. 1) и указала себя автором данной работы. Позднее выяснилось, что у данной идеи макияжа уже был автор — визажист Alex No, которая обратилась с иском в суд о защите авторского права, о признании себя автором макияжа, а также о взыскании компенсации.

Суд согласился с доводами истицы и вынес решение, где, во-первых, признал креативный макияж объектом авторского права, подлежащим защите. Суд отметил, что «идея истицы в виде образа получила реализацию в виде объективной формы выражения — макияже и соответственно, стала доступной для восприятия другими людьми»⁶. Во-вторых, суд указал, что нарушение исключительных прав автора путем публикации в социальных сетях чужих результатов интеллектуальной деятельности является нарушением. Таким образом, стоит сделать вывод, что буквальное копирование чужих образов для создания собственного контента недопустимо и неправомерно.

После всего вышеизложенного у читателя может сформироваться мнение, что пользователь при публикации контента ходит по тонкому льду; будто любой шаг грозит нарушением норм права интеллектуальной собственности и возникновению гражданско-правовой ответственности.

К счастью, это не так. Несмотря на то, что право интеллектуальной собственности строго ограничивает правомочия всех третьих лиц и стоит на абсолютной защите прав автора произведения, некоторые допущения для пользователей социальных сетей все же есть.

³ Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах. 4-е изд., испр. и доп. М.: Экзамен, 2005. С. 44–45.

⁴ Пункт 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Решение Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 12 марта 2012 г. по делу № 2-177/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Решение Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 12 марта 2012 г. по делу № 2-177/2012.

Рис. 1. Работы автора и правонарушителя.
Слева представлена оригинальная работа, справа — плагиат*

* Источник: URL: https://krasivo.spb.ru/krasota_AlexNo_interview2.php.

Так, при создании аккаунта на платформах Facebook, Instagram⁷ пользователю предлагается заключить пользовательское соглашение, согласно которому платформа получает права на любой контент, созданный лицом, путем неисключительного лицензионного договора без выплаты вознаграждения автору. Пользовательское соглашение социальной сети TikTok также содержит положения о предоставлении сети прав на контент, причем не только на уже созданный, но и на тот, который будет сотворен в будущем⁸.

Поэтому танцевальные флешмобы, устраиваемые по всему миру, являются интересными, захватывающими и совершенно законными. Например, флешмоб DoJaCat — SaySo Challenge «завирусился» и объединил миллионы пользователей по всему

миру. А трек исполнительницы стал популярным и возглавил мировые чарты. Однако в любом случае правомерность использования контента регулируется и нормами о цитировании: пользователь всегда должен оставлять ссылки на первоисточник и по возможности отмечать автора.

Получается, что площадки упрощают правила использования чужого контента, закрепляя в своих соглашениях условия открытой лицензии и свободного доступа к произведениям любого лица. Таким образом, выкладывая видео в личный аккаунт в Instagram, мы передаем исключительные права социальной сети на весь срок действия авторских прав (а это срок всей жизни автора + 70 лет после его смерти), отказываемся от выплаты роялти за использование нашего произведения, а также не можем отозвать данное согласие.

Контент пользователей может быть использован и самой социальной сетью (на-

⁷ Социальные сети заблокированы на территории России. Платформа признана экстремистской организацией и запрещена в России.

⁸ Пользовательское соглашение TikTok. URL: <https://www.tiktok.com/legal/terms-of-service-row?lang=ru>

пример, в пиар-кампании), и другими пользователями. В обычных условиях подобная ситуация могла бы быть квалифицирована как нарушение авторских прав, но не в случае с соцсетями. Поэтому каверы в социальных сетях, таких как TikTok, Instagram⁹, созданные с использованием фонограмм исполнителей, также выложенных на платформу, правомерны.

С другой стороны, возникает и резонный вопрос: не получает ли социальная сеть слишком много полномочий из исключительных прав авторов?

В последнее время широко распространено приложение Lensa, в котором искусственный интеллект может создать аватары для пользователей в социальных сетях, используя их оригинальные фотографии. Приложение пользуется популярностью, но стоит посмотреть пользовательское соглашение, с условиями которого пользователи соглашаются при регистрации.

Положения соглашения Lensa предусматривают, что права на полученное изображение, видео и любой иной контент принадлежит приложению. Кроме того, Lensa может использовать созданные аватары в рекламе, изменять их и создавать производные произведения. Наконец, приложение получает право на отзыв. Однако, согласно ст. 1269 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁰, право на отзыв решения об обнародовании произведения принадлежит автору. Получается, что пользовательское соглашение противоречит российскому законодательству (рис. 2)!

Видится, что правильным разрешением ситуации будет приведение положений пользовательских соглашений в соответствие с гражданским законодательством

Российской Федерации. Иначе возникнет неправомерная ситуация, когда пользователю будут отказывать в распоряжении своим исключительным правом на собственный контент.

Наконец, при рассмотрении вопроса об использовании чужого контента невозможно не упомянуть и права музыкантов, исполнителей и иных авторов произведений в социальных сетях. Социальные сети посредством пользовательских соглашений получают неисключительную лицензию, что позволяет иным пользователям использовать чужой контент, в том числе и музыкальный. Но как быть с правами правообладателей музыкальных произведений, исполнений и фонограмм? Ведь за использование своих объектов они вправе получать роялти.

Хоть пользователи и могут использовать музыкальные треки для записи своих Reels или длинных видео, музыканты и продюсеры не остались обделенными. Например, платформа TikTok выплачивает правообладателям музыкального контента роялти за использование их произведений в социальной сети. Изначально данная платформа создавалась для публикации видеоконтента, но спустя время стало понятно, что создание видео невозможно без музыкального сопровождения.

Вследствие огромного количества нарушений прав лейблов и отдельных исполнителей на фонограммы и музыкальные произведения платформа приняла решение сократить возможные риски и заключила договоры с крупнейшими звукозаписывающими компаниями Warner Music, Sony и Universal Music Group и лейблами. Теперь за каждое использование трека, принадлежащего корпорации, сеть TikTok выплачивает определенную сумму вознаграждения.

Подводя итог, следует сделать несколько выводов:

⁹ Социальные сети заблокированы на территории России. Платформа признана экстремистской организацией и запрещена в России.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

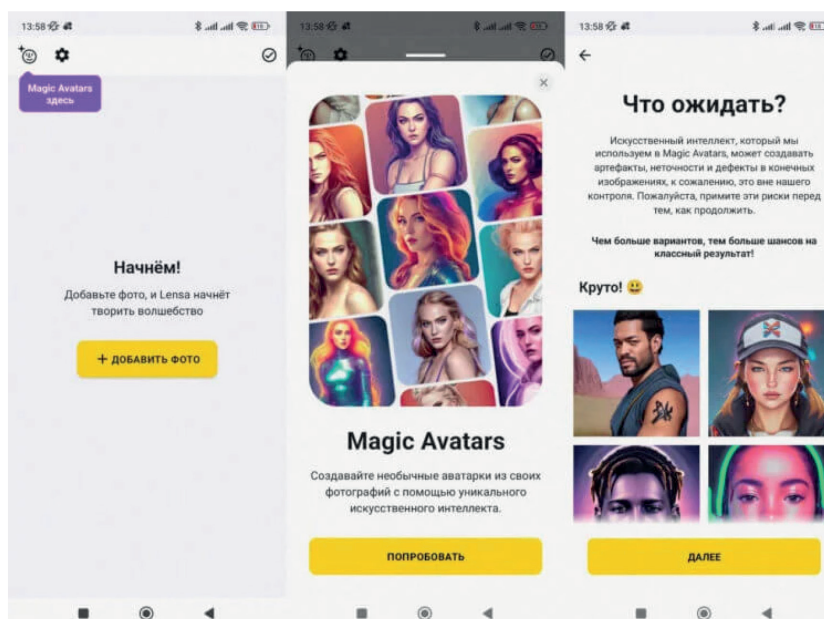

Рис. 2. Интерфейс приложения Lensa*

* Источник: URL: <https://hi-news.ru/technology/nejroset-lensa-risuet-portrety-po-fotografii-poprobujte-sami-priamo-sejchas.html>

Любой контент, публикуемый пользователями в социальных сетях, является объектом авторского права и подлежит защите.

В соответствии с условиями пользовательского соглашения социальных сетей чужой контент в разумных объемах вправе использовать другие пользователи (например, для участия в флешмобе, записи кавера и т.д.).

Положения пользовательского соглашения не всегда согласуются с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. В таком случае автором предлагается привести условия соглашений в соответствие с законодательством, что позволит обеспечить эффективную защиту правообладателей.

Ненадлежащее использование чужого контента может привести к нарушению исключительных прав и повлечь ответственность. Право интеллектуальной собственности присутствует в современной жизни общества повсеместно. Контент, размещаемый в социальных сетях, не исключение, поскольку он охраняется нормами авторского права. Поэтому можно с уверенностью сказать, что каждый современный человек ежедневно не только сталкивается с объектами интеллектуальных прав, но и является их создателем. А потому необходимо быть внимательными при создании контента, а также знать и помнить о правах других людей.

Литература

1. Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах / Э.П. Гаврилов. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Экзамен, 2005. 381 с.
2. Иоффе О.С. Советское гражданское право : курс лекций. В 3 томах. Т. 3. Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности : Семейное право. Наследственное право / О.С. Иоффе. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1965. 347 с.
3. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права / В.И. Серебровский. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1956. 283 с.

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ по защите прав и законных интересов предпринимателей в третейских судах

БАРДАН ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ,

студент-магистрант юридического факультета
Московского университета (ИМПЭ) имени А.С. Грибоедова
d_bardan@mail.ru

Споры по защите прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности могут отстаиваться несколькими способами в том случае, если не удалось провести досудебный этап.

Одним из наиболее распространенных вариантов разрешения подобного рода споров является подача искового заявления в арбитражный суд.

Однако не всегда удастся добиться желаемого результата, затратив при этом огромное количество времени и сил. Все это привело к созданию третейских судов. Данный вид судов не входит в систему государственных, но встает с таковыми в одну линию по защите прав и законных интересов предпринимателей.

Для того, чтобы субъекты предпринимательской деятельности были спокойны, что судебное разбирательство пройдет справедливо и на основании закона, в самом процессе сторонам предоставляется равенство друг перед другом. А способность доказывания лежит на каждом индивидуально, так как такой вид суда вправе, но не обязан требовать предоставления дополнительных доказательств и, основываясь на принципе

состязательности, может принять решение по представленным сторонами материалам, удовлетворив иск полностью или в части, либо отказав в его удовлетворении.

Такая быстрая, качественная и упрощенная процедура ведения дела очень привлекает всех предпринимателей, которые не могут обойтись без судебного вмешательства и отстоять свои законные права. Однако существуют некоторые условия, соблюдение которых позволяет предпринимателю передать спор на рассмотрение третейского суда: включение в договор, на основе которого строятся отношения между сторонами по выполнению работ, оказанию услуг и т.д., специальной третейской оговорки; заключение отдельного (самостоятельного) соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда.

Но все-таки остаются некоторые субъекты предпринимательской деятельности, которые пренебрегают указанными положениями, а значит, они не могут в полной мере использовать такой эффективный способ защиты своих прав. Кроме этого, вынуждены обращаться к затяжным процессам в государственные судебные органы.

С 1 сентября 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹ (далее — Закон № 382-ФЗ), который определил порядок, сроки, принципы рассмотрения дела в третейском арбитраже.

В тех случаях, когда спорные правоотношения допускают возможность рассмотреть данное дело в рамках третейского разбирательства, стороны вправе своим соглашением решить вопрос в пользу такого решения. Проанализировав закон о третейском арбитраже и правила, размещенные на сайтах различных третейских судов, автор приходит к выводу о преимуществах третейского разбирательства перед государственным судом.

Самым главным преимуществом перед арбитражным разбирательством можно считать оперативность рассмотрения дела в третейском суде. По закону срок рассмотрения не может превышать 1 месяца, но каждый третейский суд в своем регламенте самостоятельно определяет этот срок как еще более сокращенный, это может быть 10, 14 дней. В Арбитражном суде в соответствии со ст. 152 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — АПК РФ) дело должно быть рассмотрено в срок, не превышающий 6 месяцев со дня поступления заявления в арбитражный суд, однако на основании мотивированного заявления судьи, рассматривающего дело, председателем арбитражного суда в связи с особой сложностью дела, со значительным числом участников арбитражного процесса — может быть продлен до 9 месяцев.

Следующим отличием третейского разбирательства выступает возможность по усмотрению сторон в соответствии со ст. 20 Закона № 382-ФЗ договориться о ме-

сте арбитражного разбирательства или порядке его определения.

При отсутствии такой договоренности место арбитража определяется третейским судом с учетом обстоятельств дела и удобства сторон.

Третейский суд может, если стороны не договорились об ином, собраться в любом месте, которое он посчитает надлежащим для проведения совещания между арбитрами, заслушивания свидетелей, экспертов или сторон либо для осмотра товаров, другого имущества или документов.

Следовательно, судебное заседание можно проводить по месту расположения третейского суда или по заявлению стороны третейского разбирательства судья может назначить иное место судебного заседания, в том числе в офисе организации, по месту нахождения товара или большинства письменных или вещественных доказательств. В ст. 27 Закона № 382-ФЗ закреплены два порядка рассмотрения дела в третейском суде. Это может быть «устное слушание дела для представления доказательств или для устных прений». Именно при таком порядке рассмотрения дела в третейском суде стороны в полной мере могут реализовать, закрепленный в ст. 18 Закона № 382-ФЗ принцип состязательности.

Также это может быть письменный процесс, основанный только на предоставлении письменных доказательств (документов и других материалов). Однако третейский суд должен провести рассмотрение арбитражного дела по существу по просьбе стороны, за исключением случая, если стороны прямо выразили свое согласие не проводить устное слушание. Соответственно, общим правилом выступает устное рассмотрение арбитражного дела в третейском суде.

Суд «заблаговременно должен направить сторонам уведомление о любом слушании третейского суда, в том числе проводимом в целях осмотра товаров, другого имущества или документов»³.

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ст. 27 «Слушание и разбирательство по документам» Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (ред. от

В отличие от государственного суда, только по соглашению сторон слушание дела в заседании третейского суда может проводиться путем использования систем видеоконференц-связи. Протокол судебного заседания ведется только при устном слушании дела и при условии, что стороны договорились об этом.

Все необходимые документы или информация по делу представляются сторонами как третейскому суду, так и другой стороне.

Сторонам должны быть направлены копии документов, являющихся доказательством по делу: заключения экспертов, письменные документы и другие материалы, необходимые для принятия законного и обоснованного решения.

Кроме того, в неразрывной связи с принципом устности выступает язык, на котором ведется судопроизводство. Как закреплено в ст. 24 Закона № 382-ФЗ, «стороны могут по своему усмотрению договориться о языке или языках, которые будут использоваться в ходе арбитража. А при отсутствии такой договоренности арбитраж ведется на русском языке. Такая договоренность по умолчанию относится к любому письменному документу стороны, суда или слушанию дела». «Третейский суд может распорядиться о том, чтобы любые письменные доказательства сопровождался переводом на язык или языки, о которых договорились стороны или которые определены третейским судом». В соответствии со ст. 18 Закона № 382-ФЗ арбитраж осуществляется на основе принципов независимости и беспристрастности арбитров; диспозитивности; состязательности сторон и равного отношения к сторонам.

Беспристрастность, независимость арбитров проявляется в том, что в соответствии со ст. 12 Закона № 382-ФЗ может быть заявлен отвод арбитру, если у сторон есть сомнения в беспристрастности или независи-

мости арбитра. Кроме того, в п. 8 ч. 4 ст. 45 Закона № 382-ФЗ предусмотрено, что в положении о постоянно действующем арбитражном учреждении должны устанавливаться правила о беспристрастности и независимости арбитра.

Гарантией соблюдения данного принципа является обязанность третейского судьи сообщить сторонам и суду о том, что присутствуют обстоятельства, которые могут вызвать сомнения относительно его беспристрастности или независимости. Реализуя принципы беспристрастности, независимости арбитров, законодатель регламентирует порядок их избрания. Стороны свободны в выборе кандидатуры в качестве арбитра. Они могут предъявлять к такому кандидату как обычные требования (дееспособное лицо, достигшее возраста 25 лет, имеющее высшее юридическое образование), в том числе к его квалификации, так и дополнительные, избирать конкретного арбитра.

Стороны не связаны какой-либо процедурой выбора кандидата или кандидатов и вольны согласовать любую процедуру, не запрещенную законом. Не может быть третейским судьей лицо, прямо или косвенно заинтересованное в исходе дела. Принцип диспозитивности наиболее ярко проявляется в ст. 25, 33 Закона № 382-ФЗ. В ст. 25 предусмотрено право истца подать в третейский суд исковое заявление, а ответчик вправе предоставить отзыв или встречный иск. В соответствии со ст. 33 Закона № 382-ФЗ стороны при третейском разбирательстве также не лишены возможности заключить мировое соглашение, тем самым прекратить разбирательство.

Принцип состязательности и равноправия сторон проявляется в ст. 26 Закона № 382-ФЗ, где предусмотрено, что бремя доказывания в равной степени возлагается на стороны. В ст. 27 Закона № 382-ФЗ императивно закреплено, что вся информация, документы, предоставляемые третейскому суду, также должны быть на-

27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

правлены и другой стороне. В ст. 30 Закона № 382-ФЗ третейский суд или сторона третейского разбирательства вправе обратиться в арбитражный суд с запросом об оказании содействия об истребовании доказательств в случае проблем с их собиранием и предоставлением в третейский суд.

Существенным отличием третейского разбирательства выступает правило «конфиденциальность арбитража», а слушание дела проводится в закрытом заседании. Без согласия сторон ни арбитры, ни сотрудники постоянно действующего арбитражного учреждения не вправе разглашать сведения, ставшие им известными в ходе рассмотрения дела.

Регламентом третейского суда может быть закреплено, что только с согласия сторон и председателя третейского суда дело может быть рассмотрено в открытом судебном заседании. Следовательно, принцип гласности действует в третейском суде в усеченном виде, а принцип публичности, открытости неприменим вовсе. Таким образом, при третейском разбирательстве существует не принцип гласности, как в компетентном суде, а принцип конфиденциальности. В гл. 3 Закона № 382-ФЗ раскрывается порядок формирования состава третейского суда. В соответствии со ст. 10 Закона № 382-ФЗ «стороны арбитража могут по своему усмотрению определить число арбитров. Однако число арбитров должно быть нечетным, если иное не указано в

федеральном законе. По общему правилу назначаются три арбитра».

В Законе № 382-ФЗ не содержится четкого порядка формирования состава суда, не указаны случаи единоличного и коллегиального рассмотрения дела в третейском суде. Однако в положении постоянного действующего третейского арбитража могут быть предусмотрены случаи, когда дело рассматривается единолично судьей, а в каких случаях — коллегиально (двумя или большим числом судей). При третейском разбирательстве не предусмотрен состав суда, формируемый из судей и арбитражных заседателей. Вопросы, которые касаются возможности оспаривания арбитражного решения, регулируются ст. 40 Закона № 382-ФЗ. Стороны, заключая соглашение о третейском арбитраже, могут закрепить в нем, что принятое третейским судом решение является окончательным и оспариванию не подлежит. Если такого условия соглашение не содержит, то арбитражное решение может быть отменено по основаниям, закрепленным в ст. 233 АПК РФ.

По мнению автора, в Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» необходимо внести изменения. А именно, необходимо в ст. 10 прописать четкое количество арбитров, как это указано в ст. 14 Гражданско-процессуального кодекса: «Дела в судах первой инстанции рассматриваются судьями единолично».

Литература

1. Арбитражный процесс : практикум : учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений / А.Ф. Воронов, С.В. Моисеев, В.М. Шерстюк ; под редакцией А.Ф. Воронова. Москва : Статут, 2014. 157 с.
2. Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий [и др.] ; ответственный редактор В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2017. 750 с.
3. Особенности арбитражного производства : учебно-практическое пособие / О.В. Абознова, Ю.В. Аверков, Н.Г. Беляева [и др.] ; под редакцией И.В. Решетниковой. Москва : Юстиция, 2019. 323 с.
4. Пересмотр судебных актов в цивилистическом процессе : учебное пособие / С.К. Загайнова, М.Л. Скуратовский, Ю.А. Тимофеев ; под редакцией Ю.А. Тимофеева. Москва : Статут, 2018. 205 с.

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН и Международный уголовный суд: история становления, взаимоотношение и вмешательство в осуществлении правосудия

КЕНГАМУ РЕНЕДИ БООТО,

студент магистратуры юридического факультета
Университета Гренобль Альпы города Гренобль, Франция
kengamu10@mail.ru

Введение

Международный уголовный суд, являющийся первым постоянным международным органом уголовной юстиции, был учрежден только в 1998 г. Однако идея создания постоянного международного уголовного суда была разработана еще в середине XIX в. Также были многие попытки учреждения такого органа, поэтому в рамках данной статьи мы рассмотрим все этапы становления Международного уголовного суда, вклад международного сообщества в учреждение постоянного органа уголовной юстиции и полномочия главного органа ООН, отвечающего за поддержание международного мира и безопасности.

Создание постоянного органа международной уголовной юстиции

Уже в XIX в. Гюстав Муанье, один из основателей МККК¹, предложил создать

международный орган уголовной юстиции, чтобы привлечь к уголовной ответственности лиц, нарушающих положения Женевской конвенции 1864 г. (охрана и облегчение участи больных и раненых воинов на войне), подчеркивая необходимость принять международный уголовный закон². Тем не менее пришлось ждать до 1919 г., окончания Первой мировой войны, чтобы создать долгожданный международный трибунал. Данный трибунал был учрежден Версальским мирным договором, чтобы привлечь к уголовной ответственности Вильгельма II, бывшего германского императора, за высшее оскорбление международной морали и священной

и помощи жертвам вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия, а ее задачи — пропаганда уважения к международному гуманитарному праву и способствование его имплементации в национальном законодательстве.

² Moynier G. Note sur la création d'une institution judiciaire internationale propre à prévenir et à réprimer les infractions à la convention de Genève // Bulletin International des Sociétés de la Croix-Rouge. 1872. Vol. 3. Iss. 11. P. 125.

¹ Независимая нейтральная организация, образованная в 1863 г., целью которой является предоставление защиты

силы договоров³, но Вильгельм II бежал в Нидерланды, а правительство Нидерландов отказалось выдать его созданному суду.

В 1920 г., когда Комитет экспертов Лиги Наций работал над уставом Постоянной палаты международного правосудия⁴, вновь было предложено параллельно создать международный уголовный суд Лиги наций для преследования лиц, совершающих преступления против международного правопорядка, но данное предложение было отклонено из-за того, что международное уголовное право не существовало в то время.

По окончании Второй мировой войны был создан международный военный трибунал в Нюрнберге для привлечения нацистских военных преступников к уголовной ответственности за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, также был создан международный военный трибунал для Дальнего Востока для привлечения к уголовной ответственности японских военных преступников. Эти трибуналы открыли путь к созданию постоянного международного органа уголовной юстиции, они также способствовали появлению нового субъекта международного права (индивид) и появлению новых самостоятельных отраслей международного права, таких как международное уголовное право и международное право в области прав человека, так как события Второй мировой войны вызвали необходимость принять Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. и Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. К большому сожалению, хо-

лодная война препятствовала процессу создания постоянного международного уголовного суда. Стоит отметить, что в 1951 г. был разработан проект статута постоянного международного уголовного суда специальным комитетом, созданным Генеральной Ассамблеей ООН (ГА ООН) для подготовки предложений, касающихся учреждения международного уголовного суда для преследования лиц, обвиняемых в геноциде и других преступлениях аналогичной тяжести. Этот проект статута был пересмотрен в 1953 г., но его рассмотрение было отложено Генеральной Ассамблеей до принятия определения агрессии. Еще в 1980 г., после принятия Международной Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него, вновь появилась инициатива разработки проекта статута, учреждающего международный уголовный трибунал для более эффективного пресечения этого преступления и наказания за него. Но только после войны и падения Берлинской стены появились новые временно действующие международные уголовные трибуналы, в том числе Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) в 1993 г. и Международный трибунал по Руанде (МТР) в 1994 г., затем появился в 1998 г. первый постоянный международный уголовный суд.

После учреждения МТБЮ и МТР укрепилась необходимость создать постоянный международный орган уголовной юстиции. В этой связи Комиссия международного права ООН⁵, в полномочия которой входит развитие международного права и его кодификация, разработала статут международного уголовного суда (МУС) и пе-

³ Статья 227 Версальского мирного договора 1919 г. URL: <https://ppt.ru/newstext.phtml?id=20302>

⁴ Судебный орган, учрежденный Лигой Наций для урегулирования всех споров международного характера и вынесения консультативных заключений по всем спорам и по всем вопросам, которые были внесены в нее Советом или Ассамблеей Лиги.

⁵ Вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи учрежден резолюцией 174 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 г. Ее главная цель заключается в «поощрении прогрессивного развития международного права и его кодификации».

редадал его ГА ООН в 1994 г. С 15 июня по 17 июля 1998 г. в Риме состоялась дипломатическая конференция уполномоченных представителей под эгидой ООН по учреждению международного уголовного суда, целью которой являлись завершение разработки и принятие Конвенции об учреждении Международного уголовного суда. По окончании данной Конференции был принят Римский статут Международного уголовного суда. В дипломатической конференции участвовали 160 стран. Многие страны Европы и Латинской Америки вместе с такими странами, как Южная Африканская Республика, Южная Корея, Япония, Австрия и Канада, очень активно поддерживали идею создания МУС. Некоторые страны были против создания этого органа или просто не показали никакого интереса к нему, например Китай и Индия. По итогу Конференции 120 стран проголосовали за создание МУС, 21 воздержалась и 7 проголосовали против (США, Китай, Индия, Израиль, Катар, Бахрейн и Вьетнам), затем 139 стран подписали Римский статут. В 2002 г. после ратификации статута 60 государствами МУС начал функционировать согласно положению ст. 126.2 Римского статута МУС.

Необходимость связать судьбу МУС с ООН

История создания Международного уголовного суда показывает, что Совет Безопасности ООН не играл никакой роли в учреждении данного суда. Организация Объединенных Наций предпочитала связать создание международного уголовного суда с волей всех государств международного сообщества, а не с волей некой группы государств-держав, так как данный суд должен был обладать юрисдикцией над всеми государствами, соответственно, для этого было необходимо применять

принцип уважения государственного суверенитета и принцип суверенного равенства государств.

Также если бы Совет Безопасности участвовал в работе по принятию Римского статута международного уголовного Суда, он бы оставил за собой многие полномочия, которые оставили бы данный суд под его властью, и Международный суд стал бы одним из органов, входящих в систему Организации Объединенных Наций, что ставило бы под сомнение независимость суда. Даже некоторые государства, поддерживавшие идею о том, что Международный уголовный суд должен был войти в систему ООН, такие как Нидерланды, признали, что процесс внесения поправок в Устав ООН был бы долгим⁶.

Если Совет Безопасности ООН не играл никакой роли в учреждении Международного уголовного суда, ему тем не менее передали некоторые полномочия в функционировании этого суда. Передача полномочий Совбезу ООН связана с тем, что преступления, входящие в компетенцию Международного уголовного суда, в том числе геноцид, военные преступления, преступления против человечности и преступления агрессии ставят под угрозу и нарушают мир и безопасность всего человечества.

Так как Совет Безопасности ООН в соответствии со ст. 24 Устава ООН является ответственным за поддержание международного мира и безопасности, ему были переданы 4 полномочия в функционировании Международного уголовного суда. 3 полномочия были переданы ему во время принятия Римского Статута в 1998 г., а 1 было дополнено в 2010 г. на 13-м пленарном заседании в Кампале в моменте внесе-

⁶ Hall C.K. The First Two Sessions of the UN Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court // J. Int'l. L. (1997) 91 Am. 177, 182.

ния поправок к Римскому статуту Международного уголовного суда по преступлению агрессии.

В 2004 г. с целью сотрудничества между этими международными организациями было подписано соглашение между президентом Международного уголовного суда и Генеральным секретарем ООН, в котором Организация Объединенных Наций признает Международный уголовный суд независимым постоянным судебным органом, обладающим международной правосубъектностью, а суд в свою очередь признает обязанности ООН согласно уставу⁷. В соглашении также указано, что обе стороны соглашаются сотрудничать и консультироваться для содействия эффективному осуществлению своих обязанностей. У нас здесь двухсторонние отношения, основанные на принципе равенства. Стоит отметить, что сотрудничество и консультации связаны исключительно с вопросами, представляющими взаимный интерес, т.е. вопросы мира и безопасности человечества. Данное соглашение также предусматривает право представительства, согласно которому Генеральный секретарь ООН или его представитель получает право присутствовать на открытых слушаниях в палатах суда по делам, которые представляют интерес для ООН, и на любых открытых заседаниях суда, а взамен представители суда получают право присутствовать и участвовать в работе ГА ООН как наблюдатель, а председатель суда и прокурор получают права выступать в Совбезе для оказания содействия по вопросам, подпадающим под юрисдикцию суда. Также регламентированы порядок обмена информацией, возможность суда представить ООН доклады о своей дея-

тельности, возможность суда предлагать ООН вопросы для рассмотрения, отношения суда с разными органами ООН, в том числе и с Советом Безопасности ООН (СБ ООН) в части реализации ст. 13, 16 и 87 Римского статута и т.д.

Осуществление правосудия МУС с участием Совета Безопасности

Первое полномочие СБ ООН в функционировании Международного уголовного суда содержится в п. «b» ст. 13 Римского статута. Оно заключается в передаче прокурору дела Советом Безопасности ООН, действующим на основании гл. VII Устава Организации Объединенных Наций. Данное полномочие было передано СБ ООН для того, чтобы расширить территориальную подсудность МУС и его персональную подсудность в отношении лиц, совершивших преступления против мира и безопасности человечества, так как, используя эти полномочия, Совет Безопасности ООН может передать прокурору дело о преступлении, совершенном на территории государства, не являющегося участником Римского статута Международного уголовного суда, или дело о преступлении, совершенном лицом, не являющимся гражданином государства-участника. В 2005 г., реализуя эти полномочия, Совбез ООН передал прокурору Международного уголовного суда дело о преступлениях, совершенных в Дарфуре в Судане за период с 1 июля 2002 г.⁸ и в Ливии в 2011 г.⁹

⁷ Согласованный проект соглашения о взаимоотношениях между Организацией Объединенных наций и Международным уголовным судом.

⁸ Резолюция 1593 принята Советом Безопасности на 5158-м заседании от 31 марта 2005 г. S/RES/ 1593 (2005): «Определяя, что положение в Судане продолжает представлять угрозу международному миру и безопасности, действуя на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, постановляет передать ситуацию в Дарфуре за период с 1 июля 2002 года Прокурору Международного уголовного суда». URL: [https://iccforum.com/media/background/darfur/2005-03-31_UN_Security_Council_Resolution_1593_\(Russian\).pdf](https://iccforum.com/media/background/darfur/2005-03-31_UN_Security_Council_Resolution_1593_(Russian).pdf)

⁹ Резолюция 1970 принята Советом Безопасности на его 6491-м заседании от 26 февраля 2011 г. S/RES/1970 (2011):

Второе полномочие Совета Безопасности ООН в функционировании Международного уголовного суда — это отсрочка расследования или уголовного преследования. Данное полномочие содержится в ст. 16 Римского статута Международного уголовного суда и означает, что Совет Безопасности ООН может на основании гл. VII Устава Организации Объединенных Наций принять резолюцию с просьбой не проводить или прекратить уже начатое расследование или уголовное преследование Международным уголовным судом в течение 12 месяцев. Данная резолюция может быть обновлена еще на 12 месяцев.

Здесь мы видим, что Совбез обладает неким правом вето, позволяющим ему препятствовать правомерному осуществлению правосудия Международным уголовным судом. Первоначальная идея при предоставлении Совбезу данного полномочия заключалась в том, что он должен был использовать данное полномочие для стабилизации ситуации в случаях военных столкновений например, а также использовать его для создания условий расследования преступлений прокурором, т.е. для устранения всех препятствий, чтобы прокурору в дальнейшем стало легко найти жертв преступлений и собрать доказательства, общаться с очевидцами, с местной властью и т.д., во-вторых, отсрочка расследования должна быть введена, чтобы отдалить предпочтение дипломатическим переговорам с целью восстановления международного мира и безопасности мирным путем. Одна-

ко некоторые страны, такие как Соединенные Штаты Америки, начали использовать Римский статут против Международного уголовного суда, в частности, полномочие СБ ООН по отсрочке расследования или уголовного преследования. Они начали злоупотреблять своим политическим положением на международной арене. Таким образом, в 2002 г., сразу после эффективного начала функционирования МУС, США предложили принять резолюции 1422 о непроведении расследования Международным уголовным судом в течение 12 месяцев в отношении действий или бездействия, совершенных лицами или персоналом любого предоставляющего контингент государства, не являющегося участником Римского статута¹⁰, чтобы продолжать финансировать операции ООН по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине. По истечении срока действия резолюции 1422 СБ ООН была принята резолюция 1487, обновляющая срок действия предыдущей резолюции СБ ООН¹¹. Также через год была принята резолюция 1579 о непроведении Международным уголовным судом расследования в течение 12 месяцев в отношении престу-

¹⁰ Резолюция 1422 (2002), принятая Советом Безопасности на его 4572-заседании 12 июля 2002 г., S/RES/1422 (2002), «Просит, согласно положениям статьи 16 Римского статута, чтобы, в случае возникновения дела, касающегося нынешних или бывших официальных лиц или персонала любого предоставляющего контингент государства, не являющегося участником Римского статута, в отношении действий или бездействия в связи с учрежденными или санкционированными Организацией Объединенных Наций операциями, МУС в течение 12-месячного периода, начинающегося 1 июля 2002 года, не начинал и не проводил расследования или судебного преследования в связи с любым таким делом, если только Совет Безопасности не примет решения об ином». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/477/63/PDF/N0247763.pdf?OpenElement>

¹¹ Резолюция 1487 (2003), принятая Советом Безопасности на его 4772-м заседании 12 июня 2003 г. S/RES/1487 (2003): «В течение 12-месячного периода, начинающегося 1 июля 2003 года, не начинал и не проводил расследования или судебного преследования в связи с любым таким делом, если только Совет Безопасности не примет решения об ином». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902134268>

«Подтверждая свою твердую приверженность суверенитету, независимости, территориальной целостности и национальному единству Ливийской Арабской Джамахирии, действуя на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций и принимая меры на основании статьи 41 Устава, постановляет передать вопрос о ситуации в Ливийской Арабской Джамахирии в период с 15 февраля 2011 года на рассмотрение Прокурора Международного уголовного суда». URL: <https://cbr.ru/Content/Document/File/124010/1970.pdf>

плений, совершенных в Либерии лицами или персоналом любого предоставляющего контингент государства, не являющегося участником Римского статута¹².

Следует отметить, что Совет Безопасности действует не только активно, он может и пассивно действовать, отказывая запретить начало расследования или его приостановить. Здесь проблема заключается в том, что данный отказ может плохо восприниматься стороной, обратившейся к Совету Безопасности для получения такого запрета или приостановления, это именно то, что произошло, когда Африканский союз обратился к Совету Безопасности ООН для того, чтобы последний приостановил уголовное преследования в отношении Омара Аль-Башира, президента Судана, а Совет Безопасности отказал в удовлетворении такого требования.

Международный уголовный суд осуществляет свою юрисдикцию на основе принципа дополнительности, также он не имеет вооруженных сил, из-за этого ему необходимо сотрудничать как с государствами-участниками, так и с государствами, не являющимися участниками Римского статута, для сбора доказательств, сбора свидетельских показаний, а также для передачи преступников, совершивших преступления, входящие в его компетенцию. К сожалению, многие государства по политическим или иным мотивам не заявляют о желании сотрудничать для передачи преступников. Настоящим примером может служить дело бывшего президента Судана Омара Аль-Башира, который разыскивается МУС на основании резолюции 1593 СБ ООН по обвинениям в геноциде и в преступлениях против человечности, совершенных во время конфликта в Дарфуре в 2003 г. Омар

Аль-Башир ездил во многие государства, являющиеся участниками Римского статута, которые на основании ст. 27 Римского статута обязаны были выдать его Международному уголовному суду, несмотря на его правовой статус¹³. Однако многие государства не хотели выдать Омара Аль-Башира, в основном это были африканские государства и государства — члены Лиги Арабских Государств, в том числе Республика Малави, Чад¹⁴, Демократическая Республика Конго¹⁵, Южно-Африканская Республика¹⁶. Эти государства ссылались на то, что Судан не является участником Римского статута, в связи с этим действует иммунитет глав государства, который не позволяет выдать президента Судана Международному уголовному суду.

Чтобы обойти отказ от сотрудничества со стороны подобных дружеских клубов, таких как Африканский союз, Римский статут в п. 7 ст. 87 закрепил положение о том,

¹³ См. PRE-TRIAL CHAMBER II. Situation in Darfur, Sudan in The Case of The Prosecutor versus Omar Hassan Ahmad Al Bashir // Decisions under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Jordan with the request by the Court for the arrest and surrender of Omar Al-Bashir. ICC-02/05-01/09. The Hague. 11 December 2017. Par. 38 “Accordingly, as a result of Security Council Resolution 1593 (2005), the interactions between Sudan and the Court with respect to the Court’s exercise of jurisdiction in the situation in Darfur are regulated by the Statute. As recently held by the Chamber, by majority, one consequence of this is that article 27(2) of the Statute applies equally with respect to Sudan, rendering inapplicable any immunity on the ground of official capacity belonging to Sudan that would otherwise exist under international law”.

¹⁴ См. PRE-TRIAL CHAMBER I. Situation in Darfur, Sudan in The Case of The Prosecutor versus Omar Hassan Ahmad Al Bashir // Decision pursuant to article 87(7) of the Rome Statute on the refusal of the Republic of Chad to comply with the cooperation request issued by the Court with respect to the arrest and surrender of Omar Hassan Ahmad Al Bashir. ICC-02/05-01/09. The Hague. 13 December 2011.

¹⁵ См. PRE-TRIAL CHAMBER II. Situation in Darfur, Sudan in The Case of The Prosecutor versus Omar Hassan Ahmad Al Bashir // Decision on the Cooperation of the Democratic Republic of the Congo Regarding Omar Al Bashir’s Arrest and Surrender to the Court. ICC-02/05-01/09. The Hague. 9 April 2014.

¹⁶ См. PRE-TRIAL CHAMBER II. Situation in Darfur, Sudan in The Case of The Prosecutor versus Omar Hassan Ahmad Al Bashir // Decision under article 87(7) on the Rome Statute on the non-compliance by South Africa with the request by the Court for the arrest and surrender of Omar Al-Bashir. ICC-02/05-01/09. The Hague. 6 July 2017.

¹² Резолюция 1579 (2004), принятая Советом Безопасности на его 5105-м заседании 21 июня декабря г. S/RES/1579 (2004). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/658/27/PDF/N0465827.pdf?OpenElement>

что Суд может вынести заключение по этому поводу и передать вопрос Ассамблее государств-участников или, в тех случаях, когда данный вопрос передан Суду Советом Безопасности, — Совету Безопасности.

Четвертое полномочие Совета Безопасности ООН в функционировании Международного уголовного суда непосредственно связано с преступлением агрессии (п. 6, 7 и 8 ст. 15бис). Согласно Римскому статуту для того, чтобы прокурор начал расследование в отношении преступления агрессии, нужно, чтобы Совет Безопасности ООН вынес определение в отношении акта агрессии, совершенного соответствующим государством.

Когда прокурор приходит к выводу о том, что имеется разумное основание начать расследование в отношении преступления агрессии, он должен получить от Совета Безопасности ООН определение акта агрессии в следующие 6 месяцев. Если Совет Безопасности вынес такое определение, прокурор сможет начать расследование преступления агрессии. Если никакого подобного определения не выносится в течение 6 месяцев, прокурор сможет начать расследование в отношении преступления агрессии, при условии, что Палата предварительного производства санкционировала начало расследования в отношении преступления агрессии в соответствии с процедурой, изложенной в ст. 15 Римского статута. Однако Совет Безопасности может использовать свое право вето (отсрочка расследования или уголовного преследования), содержащееся в ст. 16 Римского статута. Это означает, что без участия Совета Безопасности ООН Международный уголовный суд не может осуществлять полномочие в отношении преступления агрессии. Даже если прокурор берется за дело *proprio motu* (по собственной иници-

ативе), Совет Безопасности всегда сможет ссылаться на ст. 16 Римского статута и потребовать его прекращения в течение 12 месяцев или вынести определение об отсутствии акта агрессии, ибо на сегодняшний день вопрос об агрессии все еще комплексно не проработан в международном уголовном праве.

Выводы

Участие Совета Безопасности ООН в процессе осуществления правосудия Международным уголовным судом, как было уже отмечено, связано с его ролью по восстановлению международного мира и безопасности.

Совет Безопасности всегда имел ряд полномочий в функционировании международных органов уголовной юстиции, созданных до Международного уголовного суда, но это не сравнимо с его полномочиями в функционировании МУС, и это может объясниться тем, что, в отличие от других трибуналов, созданных до Международного уголовного суда, учреждение последнего не связано с конкретным государством, с определенными событиями или с конкретными преступлениями, совершенными в определенном промежутке времени. Следовательно, МУС сталкивается с проблемами, связанными с сотрудничеством государств, а Совет Безопасности ООН использует свое политическое положение, чтобы помочь суду расследовать преступления, разыскивать преступников и принудить государства сотрудничать.

Участие Совета Безопасности ООН в функционировании Международного уголовного суда может рассматриваться как вмешательство со стороны СБ ООН в осуществлении правосудия, а также как оказание помощи для справедливого осуществления правосудия с целью восстановления международного мира и безопасности.

Отсрочка расследования или уголовного преследования (ст. 16 Римского статута) может рассматриваться как вмешательство со стороны Совета Безопасности ООН, и мы это увидели на примере США, которые с помощью резолюций 1422 и 1487 СБ ООН использовали данный орган, чтобы защитить своих граждан, совершивших преступления, входящие в компетенцию МУС, а подобные действия, безусловно, посягают на независимость суда, так как из-за таких действий Совет Безопасности ООН выступает как препятствие осуществлению правосудия. Более того, полномочия Совета Безопасности, касающиеся определения акта агрессии для того, чтобы прокурор начал расследование, можно также рассматривать как препятствие осуществлению правосудия, в случае, если данная агрессия будет непосредственно связана с участием одного из государств, обладающих правом вето в Совбез ООН, которое может использовать свое право вето, чтобы резолюция не принималась, а прокурор не проводил расследование или не открыл уголовное дело.

Участие Совета Безопасности в функционировании Международного уголовного суда также является оказанием помощи для справедливого осуществления правосудия с целью восстановления международного мира и безопасности, т.е. это может рассматриваться как некое сотрудничество, направленное на восстановление

и поддержание мира и безопасности, также на борьбу против международной преступности. Данное сотрудничество может выражаться в использовании Советом Безопасности ООН своего положения, чтобы побуждать государства всего международного сообщества сотрудничать с Международным уголовным судом или расширить территориальную и персональную подсудности суда, то, чего не могут делать сами суды или Генеральная ассамблея ООН, так как они ограничиваются волюнтаризмом.

В целях избежания злоупотребления полномочиями со стороны Совета Безопасности, в частности его постоянных членов, должно устанавливаться правило, согласно которому государства, являющиеся членами СБ ООН, должны быть лишены права участия в принятии резолюции, если решается вопрос, в котором они непосредственно или косвенно заинтересованы. Таким образом, эти государства не смогут предложить свои условия или воспользоваться своим правом вето.

Государства — члены Совета Безопасности должны добросовестно использовать полномочия, предоставленные Совету Безопасности с целью сотрудничества с Международным уголовным судом, ибо эти полномочия направлены на сотрудничество суда с Организацией Объединенных Наций, а не на политизацию Международного уголовного суда.

Литература

1. Абашидзе А. Вопросы юрисдикции Международного Уголовного Суда и взаимоотношения с Советом Безопасности ООН / А. Абашидзе // Международный уголовный суд и позиция России : материалы Научно-практической конференции (г. Москва, 9–10 июня 1998 г.) : сборник научных статей. Москва : Гласность, 2000. С. 34–36.

2. Ковалёв А.А. Деятельность Международного уголовного суда и его перспективы / А.А. Ковалёв // Международное право. 2007. Т. 29. № 1. С. 172–186.
3. Трикоз Е.Н. Исторические основы международного военно-уголовного права / Е.Н. Трикоз // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2007. № 6. С. 123–124.
4. Трикоз Е.Н. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы / Е.Н. Трикоз // Журнал российского права. 2005. № 3 (99). С. 134–147.
5. Трикоз Е.Н. Первые уголовные расследования в практике Международного уголовного суда / Е.Н. Трикоз // Международное право. 2007. Т. 29. № 1. С. 200–224.

References

1. Arbour L. La situation au Darfour deferee a la CPI: Retour sur une resolution “historique” du Conseil de Securite / L. Arbour // Revue Générale de Droit International Public. 2008. Vol. 112. Iss. 1. P. 111–134.
2. Bogusha G.I. International Criminal Court: problems, discussions, search for solutions / G.I. Bogusha, E.N. Tricoz. Moscow : European Commission, 2008. 792 p.
3. Cesoni M.L. Juridictions penales internationales et Conseil de securite: une justice politisee / M.L. Cesoni, D. Scalia // Revue quebecoise de droit international. 2012. Vol. 25. Iss. 2. P. 37–71.
4. Flkowska M. L’opposition de l’Union Africaine aux poursuites contre Omar Al Bashir: analyse des arguments juridiques avances pour entraver le travail de la Cour Penale Internationale et leurs expression sur le terrain de la cooperation / M. Flkowska, A. Verdebout // Revue belge de droit international. 2012. Vol. 45. Iss. 1. P. 201–236.
5. Megan E.L. The United States and International Criminal Court: A Permanent Divide / E.L. Megan // Suffolk Transnational Law Review. 2007. Vol. 31. P. 619.
6. Moynier G. Note sur la création d’une institution judiciaire internationale propre à prévenir et à réprimer les infractions à la convention de Genève / G. Moynier // Bulletin International des Societes de la Croix-Rouge. 1872. Vol. 3. Iss. 11. P. 122–131.
7. Sarooshi D. Aspect of the Relationship Between the International Criminal Court and the United Nations / D. Sarooshi // Netherlands Yearbook of International Law. 2001. Vol. 32. P. 27–53.
8. Schabas W.A. An International Criminal Court / W.A. Schabas. 3e ed. New York : Cambridge University Press, 2007. 548 p.
9. Trahan J. The relationship between the International Criminal Court and the U.N. Security Council: parameters and best practices / J. Trahan // Criminal Law Forum. 2013. Vol. 24. P. 417–473.
10. Williams S. The arrest warrant for President Al Bashir: immunities of incumbent heads of State and the International Criminal Court / S. Williams, L. Sherif // Journal of Conflict & Security Law. 2009. Vol. 14. Iss. 1. P. 71–92.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ примирения сторон как института уголовного процесса Российской Федерации

Журенко Вадим Олегович,
обучающийся Крымского филиала
Российского государственного университета правосудия
AdvokatZV@gmail.com

Уголовное судопроизводство уже длительное время развивается в направлении демократизации, придерживаясь в осуществлении своей политики модели всемерной правовой защиты гарантированных государством прав и свобод человека, а также осуществления справедливого, всестороннего, полного и объективного правосудия. Так, одним из представленных процессов гуманизации в уголовном процессе, по нашему мнению, является применение на практике правового института примирения обвиняемого с потерпевшим.

Современные тенденции развития института примирения и сложившаяся судебная практика по прекращению уголовных дел в связи с примирением сторон показывают, что данный институт в уголовном процессе является востребованным и актуальным способом урегулирования уголовно-правовых конфликтов небольшой и средней тяжести. Это показывает в первую очередь то, что государство и государственные органы в общей дальнейшей перспективе стремятся к гуманизации процессов благодаря поддержанию подобных надле-

жащих правовых институтов в своей деятельности, а также в конкретном индивидуальном случае стремятся к поиску баланса процессуальных интересов каждой из сторон.

Примирительные процедуры, как отмечает автор Т.В. Худойкина, являются альтернативной формой разрешения правовых споров, способствующих решению не только существующих проблем государственной юрисдикции и издержек судопроизводства, но и являются эффективным вариантом восстановительного правосудия¹.

По мнению Л.А. Шестаковой, восстановительное правосудие обладает большим социально-правовым потенциалом². Невозможно не согласиться с данным утверждением, так как применение такого метода

¹ Худойкина Т.В. Применение посредничества как примирительной процедуры при разрешении правовых споров и конфликтов в России // Социально-политические науки. 2012. № 4. С. 67–70.

² Шестакова Л.А. Заключение медиативного соглашения как новое основание освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовных дел (преследования) в отношении несовершеннолетних // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 122–126.

разрешения уголовных дел способствует скорейшему процессу возмещения вреда, восстановлению прав, нарушенных преступным деянием, и, главное, реабилитации взаимоотношений между сторонами.

Примирение между подозреваемым или обвиняемым и стороной обвинения является важным показателем, по нашему мнению, с точки зрения судебной этики и моральной оценки сторонами случившегося. На наш взгляд, именно процедура примирения способствует реальному достижению компромисса между участниками производства, заглаживанию вины со стороны обвиняемого и высокой возможности реального прощения потерпевшим.

Процесс примирения дает возможность самостоятельно разрешить возникшие разногласия под наблюдением государственных органов, не прибегая к более авторитарным методам наказания и восстановления прав со стороны государства.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев отметил, что институт примирения на практике доказывает свою эффективность. Так, за 2020 г. по данному основанию было прекращено 102,5 тыс. уголовных дел, следовательно, это означает, что каждое 6 уголовное дело было прекращено в связи с примирительной процедурой между обвиняемым и потерпевшим лицом, или в процентном соотношении примерно 17% уголовных дел было прекращено в отношении обвиняемых лиц в совершении преступления небольшой и средней тяжести³.

Анализируя судебную статистику за 2021 г., также можно отметить, что одним из высоких стал показатель, отражающий прекращение уголовных дел на основании примирения с потерпевшим — 103, 7 тыс.⁴

Однако приведенные выше положения не отменяют факта необходимости совершенствования механизма примирительных процедур на практическом и законодательном уровне, а также устранения существующих теоретических пробелов и проблемных аспектов.

Так, обзор действующего уголовного-процессуального и уголовного законодательства показывает, что на законодательном уровне термин «примирение» четко не определен. В ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации⁵ (далее — УК РФ) и ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) закрепляются признаки, характеризующие субъектный состав и условия, позволяющие эту процедуру претворить в жизнь, но само понятие примирения и в каких формах оно могло бы быть осуществлено — не раскрывается. Данный вопрос до сих пор имеет свою актуальность в научных кругах с начала вступления данных статей в правовое действие. На этот счет все эти годы формируется и прорабатывается виденье этого определения. Поскольку объем нашей статьи не позволяет рассмотреть такую большую проблему, в качестве хорошего примера можно привести научную работу Р.К. Плиско, с выводами которого мы в большей степени солидарны⁶.

Процедура примирения сторон в уголовном процессе имеет ряд своих особенностей. Во-первых, стоит отметить, что законодателем закрепляется строгий перечень оснований, согласно которым данная процедура может быть применена на практике. В данной статье мы будем рассматривать не все, а только те, в которых чаще всего допускаются практические ошибки.

Так, в качестве одного из оснований прекращения уголовного дела в связи с при-

³ Российская газета. 2020. 14 октября.

⁴ Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Основания для прекращения уголовного дела в суде за 2021 г. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/>

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Плиско Р.К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009.

мирением сторон является получение согласия на прекращение уголовного дела в связи с примирением обвиняемого и потерпевшего следователем — со стороны руководителя следственного органа или дознавателя — со стороны прокурора⁷. Необходимо отметить, что прекращение дела по ст. 25 УПК РФ возможно только по делам публичного и частно-публичного обвинения. В этих формах уголовного преследования у следователя, дознавателя, суда есть право, а не обязанность прекращения уголовного дела.

Данный контроль со стороны вышестоящих должностных лиц следственного органа и прокуратуры обеспечивает гарантию соблюдения процессуального порядка и его законность, а также способствует защите и соблюдению прав участников уголовного производства. Но стоит упомянуть о том, что если следователем или дознавателем по ст. 25 УПК РФ на предварительном расследовании устанавливается возможность прекращения дела на основании примирения сторон, то это позволяет не направлять уголовное дело в суд в целях процессуальной экономии, однако на практике часто возникают такие ситуации, когда органы предварительного расследования все равно направляют дела в суд, таким образом увеличивая показатели по оконченным расследованным уголовным делам, заодно добавляя дополнительную нагрузку на судебные органы. Следовательно, задуманный законодателем порядок, отражающий принцип целесообразности, на практике имеет свои несовершенства⁸.

Далее, вторым основанием является согласие самого обвиняемого или подозреваемого на процедуру примирения. Предпо-

лагается, что судебному органу в процессе производства по делу надлежит разъяснять сторонам право возражения против прекращения уголовного дела по данным основаниям, а также судья в обязательном порядке должен пояснить правовые последствия прекращения уголовного дела, выявить добровольность и осознанность заявления о примирении у потерпевшего. Но на практике до сих пор имеет место быть проблема получения согласия от потерпевшего. Так, бывают случаи, когда в досудебной стадии происходит процесс примирения, и на стадии расследования обвиняемый возмещает вред потерпевшему, а последний в дальнейшем, не желая его видеть, не является в суд на судебное заседание, а иной раз может перестать выходить на связь. Следовательно, суд без присутствия потерпевшего не может установить достоверность и добровольность написания им заявления.

Также все еще, к сожалению, возникают обстоятельства, когда обвиняемые могут оказывать воздействие на потерпевшего, что приводит в дальнейшем к судебным ошибкам⁹.

Еще одним важным обстоятельством является само примирение обвиняемого и потерпевшего. Оно выражается в том, что виновное лицо должно загладить причиненный вред потерпевшему. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»¹⁰ под заглаживанием вреда следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на вос-

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.

⁸ Кириллова Н.П. Некоторые проблемы реализации уголовно-правовых норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2010. № 1. С. 84–93.

⁹ Павленок В.А. О некоторых проблемных вопросах прекращения уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием // Мудрый юрист. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/5287-nekotorykh-problemnykh-voprosakh-prekrasheniya-ugolovnykh-svyazi-primireniem> (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

становление нарушенных прав в результате преступления. Способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются самим потерпевшим лицом. В зависимости от причиненного вреда примирение может выступать как возмещение убытков в виде денежной компенсации или компенсации причиненного ущерба, так и восстановление утраченного или поврежденного имущества своими силами или за свой счет. Моральный вред может быть заглажен с помощью извинений, опровержений порочащих честь и достоинство сведений, восстановление деловой репутации и т.д.¹¹ В некоторых ситуациях сам судебный орган, согласно ст. 151, 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, может обязать нарушителя загладить вред в виде денежной компенсации за причинение морального вреда. Однако не всегда судьи разъясняют все возможные меры по восстановлению прав потерпевшему, а потерпевшие в силу своей низкой правовой культуры могут оставаться неудовлетворенными

и считать свои утраченные права до конца не возмещенными.

Итак, мы выявили целый ряд проблем и рассмотрели в статье лишь некоторые из них, они имеют место быть как на законодательном уровне, так и на практическом. Среди наиболее общих в Российской Федерации стоило бы выделить отсутствие четкой концепции развития института примирения в уголовном процессе при наличии законодательных пробелов и реализации таких норм на практике, потому что институт примирения способствует снижению загруженности досудебного производства и судебных органов, разрешение вышеупомянутых проблем поможет исключить часто возникающие судебные ошибки, позволит сократить длительность процедуры разбирательства, упростить процесс, снизить судебные издержки для сторон. Таким образом, УК РФ и УПК РФ нуждаются в проработке концепции статей в целом путем внесения в них изменений. Изменения в законодательстве должны носить комплексный характер, что позволило бы усовершенствовать данный институт уголовного судопроизводства и эффективно реализовывать правовые принципы.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Российская газета. 1994. 8 декабря.

Литература

1. Кириллова Н.П. Некоторые проблемы реализации уголовно-правовых норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания / Н.П. Кириллова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2010. № 1. С. 84–93.
2. Павленок В.А. О некоторых проблемных вопросах прекращения уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием / В.А. Павленок // Мудрый юрист. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/5287-nekotorykh-problemnykh-voprosakh-prekrashheniya-ugolovnykh-svyazi-primireniem>.
3. Плиско Р.К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Р.К. Плиско. Владивосток, 2009. 29 с.
4. Худойкина Т.В. Применение посредничества как примирительной процедуры при разрешении правовых споров и конфликтов в России / Т.В. Худойкина // Социально-политические науки. 2012. № 4. С. 67–70.
5. Шестакова Л.А. Заключение медиативного соглашения как новое основание освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовных дел (преследования) в отношении несовершеннолетних / Л.А. Шестакова // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 122–126.